
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Андрей Тим

Кроман. Начало.

https://litres.ru/74758099
SelfPub; 2026

Аннотация

Фантастическая Сага. О бессмертии и его последствиях.

Действия будут происходить в разное время. От эпохи верхнего палеолита, до наших времён.

Будет интересно!

Содержание

Глава 1. " Кгхар ту" 4
Глава 2 " Урсолкхал" 19
Глава 3 " Тгхар Лан пир кгхан" 36
Решение. 36
Путь. 42
Сарна все видит. 49
Битва. 55
Глава 4 " Кгхарнан." 63
«Кгхарнан» 63
Путь. 66
Лагерь. 69
Ночь 75
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Андрей Тим
Кроман. Начало.

Глава 1. " Кгхар ту"

Много сотен, тысяч лет
Живёт на свете кроманьонец человек.
Он видел первый в мире свет,
Он слышал, как ломался лёд на реках.
Стоял у устьев этих рек.
Застал он каменный топор и крик звериный.
Рождение богов в пещерной тьме,
И сам стоял с копьём у той трясины.
Где мамонт уходил к сырой земле.
Он видел, как в пустыне злой и жгучей,
Шёл плотник, что учил прощать врагов,
И как на холм, прозванный Лысой кручей,
Взошли три тени под венцом из роз и тернов.
Он помнит гвозди их стук и дребезжанье.

Когда на пыльный глядя Виа
Долороза.
В толпе стоял, скрывая содроганье,
Пока казнили странного Христа.
Как тяжко помнить каждый век и
зиму.
Быть и рабом, и воином, царём.
Идти сквозь Рим, горящий в едком
дыме.
И греться у Везувия огнём.
Встречать рассвет и видеть тьму
навек.
Крестовый ход, революции костры и
бунт машин,
Он тот, кто в мамонтовой кости
профиль.
Хранит, как вечный странник и
лишённый исполин.

Тим А.Н.

Солнце только начало подниматься над горизонтом, окрашивая ледники на вершинах гор в цвет брусничного Морса. Долина, где раскинулось стойбище племени «Кхар ту"(холодные люди), еще тонула в сумраке. Это была земля контрастов: здесь, у подножия хребта, лежали последние островки леса — корявые сосны и березы, вцепившиеся корнями в каменистую почву. А дальше, насколько хватало взгляда, простиралась Великая Степь, по которой бродили стада мамонтов и бизонов. Над Уральским хребтом висел туман, густой, как молоко, и скалы проступали из него медленно,

будто просыпались.

Место это, лежало на самой границе двух великих сил — степи и камня. Это была земля, которая сейчас называется Челябинской областью.Кроманьонцы же дали ей,совсем другое название, а именно— Хар ззз ма, что на их языке означало «Холодная земля».

С востока, насколько хватало взгляда, уходила бескрайняя тундростепь: белое море холмов, покрытых снегом, с тёмными пятнами валунов, похожих на спины спящих гигантов. Здесь, в этой холодной и продуваемой ветрами равнине, бродили стада мамонтов, шерстистых носорогов и северных оленей, а под снегом прятались карликовые берёзы и жёсткая трава, которой они кормились.

А на западе, прямо из этой степи, вставали горы. Не высокие, но дикие, изъеденные ветрами и временем. Скалистые гребни Южного Урала, поросшие соснами и лиственницами, вцепившимися корнями в гранит, поднимались над равниной, и между ними прятались глубокие гроты и пещеры — трещины в скалах, где можно было укрыться от пурги и хищников. Археологи потом найдут в этих местах следы людей верхнего палеолита: стоянку на реке Урал, где лежали кости мамонта и угли древних очагов, и Игнатьевскую пещеру на реке Сим, где на стенах были нарисованы мамонты и носороги. Но племя и даже их старейшины ничего этого не знали. Для них это была просто земля, которая кормила и убивала, и единственное, что имело значение, — сумеет ли он

прожить ещё один день.

Первое, что он услышал сквозь сон — это мерный стук кремня о кремень. Кто-то из женщин уже начал высекать искру для утреннего костра. Пещера встретила его сырым запахом камня и старого дыма, кислой шкуры и прелого сена. Скинув с себя тяжелое покрывало из волчьих шкур. Остывшая земля, на которой он лежал, впитала в себя всё тепло его тела. Он сел, разминая затекшие мышцы, и посмотрел на угли вчерашнего костра — серые, мёртвые. Наш герой стал замечать, что последнее время он испытывает странные ощущения. Словно внутри него просыпается некая сущность, что-то тёмное, древнее. Не просто желание выжить — а голод. Голод хищника. И в ту же секунду пришло осознание: чтобы этот мир не забрал его, он должен забирать первым.

Кроманьонец по имени Тур пробирался сквозь утренний туман, и его дыхание вырывалось изо рта белыми клубами пара, тут же оседая ледяной крошкой на жесткой щетине подбородка. Мир вокруг еще спал, укутанный в серую пелену. Лагерь племени, приютившийся под защитой огромной скалы, напоминал огромный муравейник, который только-только начал шевелиться. Дым от десятков очагов поднимался к серому небу, смешиваясь с низкими облаками. Вокруг было царство камня и льда. Скалы, под которыми они жили, были изъедены ветрами, их поверхность покрывали рисунки — бизоны, олени и странные спирали, нарисованные охрой еще предками. У подножия скал суетились люди:

дети гоняли палками замерзший помет, мужчины проверяли наконечники копий, женщины выносили шкуры для просушки. Тур присел на корточки у входа в свою пещеру. Под ногами хрустел снег, смешанный с пеплом вчерашнего костра. Воздух был настолько чистым и морозным, что, казалось, его можно было резать кремниевым ножом. Внизу, в долине, раскинулась бескрайняя тундра. Сейчас она была похожа на застывшее море — волны холмов покрыты белым саваном, лишь кое-где проступали темные пятна валунов, словно спины гигантских спящих китов. Осмотрев эту территорию Тур, с радостью осмотрел всех и очень громко с рокотом крикнул Кхар тууу, что означало некую утреннюю поверку личного состава. Все от мало до велика должны были выйти для обзора вожака. Лишь только лежачим больным или раненным дозволялось не являться на построение. Иногда в момент отсутствия Тура, поверку мог провести один из старейшин.

Их было семьдесят четыре. Не много и не мало — ровно столько, сколько могла прокормить эта суровая земля на границе степи и Уральских гор. Но дело было не только в числе. Каждое имя в племени было не просто звуком. Оно было знаком. Меткой. Памятью о том, кем человек был, что сделал и какое место занимает среди своих. Имена давали не при рождении — их заслуживали. Или получали от духов, от старейшин, от самой земли. И потому каждый знал: его имя — это не просто слово. Это его суть.

Охотники. Пятнадцать мужчин. Те, кто идёт впереди.

Их называли «те, кто идёт впереди», потому что они первыми видели опасность и первыми встречали её. Они были копьями племени, его глазами и его стеной. Без них Хар эс ма давно бы исчезла, стёртая с лица земли голодом или клыками хищников.

Тур — имя, которое давали за силу и упрямство. Оно означало «Тот, кто не сворачивает». Так называли быка-тура, огромного, мощного зверя, который шёл напролом, не замечая преград. Тур получил своё имя не при рождении. В детстве его звали иначе — коротко и незначительно. Но когда ему было двенадцать зим, он в одиночку отогнал от стада молодого волка, не убежав и не позвав на помощь. Старейшина тогда сказал: «Он не сворачивает». Так он стал Туром.

Гарм — имя, которое означало «Рычащий». Его давали тем, кто был громким, злым и не умел сдерживать ярость. Гарм получил его в детстве, когда в драке с другим мальчишкой прокусил ему плечо и рычал, как пёс. С тех пор он вырос, заматерел, стал лучшим следопытом. Но имя осталось. И вместе с ним — привычка рычать на тех, кто стоял у него на пути. Шрам на подбородке — от пещерного медведя — он получил три зимы назад. С тех пор его стали звать Гармом-Медвежьим-Шрамом, но чаще просто Гармом. Он был вторым после Тура. И это его грызло изнутри.

Ворн — имя, означавшее «Быстрый, как ворон». Его давали тем, кто умел исчезать и появляться неожиданно. Ворн был жилистым, гибким, с длинными волосами, заплетённы-

ми в косу. Два пальца на левой руке он потерял на морозе, но это не мешало ему метать дротики точнее всех в племени. В бою он не любил прямой схватки — кружил, жалил, исчезал. Как ворон, который кружит над добычей, выжидая момент.

Торг — имя, означавшее «Тяжёлый, как камень». Его давали за невероятную силу и медлительность. Торг был огромен, с широкой грудью и шрамом от когтей пещерного льва — тот случай, когда он выжил, но потерял половину зубов. Он не умел быстро бегать и не любил думать. Но в схватке он был как каменный молот: шёл напролом, не чувствуя боли. Враги отступали, потому что драться с ним было всё равно что драться со скалой.

Остальные двенадцать охотников носили имена, данные за меткость, за выносливость, за умение читать следы. Каждое имя было историей. Каждое — обещанием.

Ремесленники. Десять человек. Те, кто помнит огонь.

Их называли «те, кто помнит огонь», потому что они хранили знания. Не только умение добывать пламя, но и всё, что племя знало о мире: как отбить кремень, как выделать шкуру, как вырезать из кости фигурку духа. Без них племя осталось бы голым и безоружным перед лицом холода.

Крем — имя, означавшее «Кремень». Его давали тем, кто умел находить нужный камень и превращать его в оружие. Крем был жилистым, сгорбленным над работой, с пальцами, изрезанными и стёртыми до кости. Его глаза, вечно прищуренные, видели трещины в камне, которые не видели дру-

гие. Он мог одним ударом отбить наконечник, который проходил сквозь шкуру мамонта, как сквозь воду. Племя звало его просто Кремом. Другого имени ему не требовалось.

Бора — имя, означавшее «Узел». Его давали тем, чьи пальцы умели связывать, соединять, плести. Бора резал по кости. Он был маленьким, высохшим, с узловатыми пальцами и шеей, унизанной бусами из собственных работ — зубов, позвонков, раковин. Его руки, казалось, жили отдельной жизнью. Он делал иглы, шила, украшения и ритуальные фигурки. Каждая вещь, выходившая из-под его рук, была не просто предметом — она была памятью о том, кто её сделал.

Мира — имя, означавшее «Тёплая». Его давали тем, кто приносил тепло в холодный мир. Мира выделывала шкуры. Сильная, с широкими плечами и руками, вечно бурыми от дубильных растворов. У неё не хватало части правого уха — отморозила в детстве. Её шкуры были мягкими, как мох, и тёплыми, как живое дыхание. Без неё племя замёрзло бы в первую же пургу.

Остальные семеро — косторезы, деревообработчики, мастера по оружию — носили имена, данные за точность, за терпение, за умение видеть в мёртвом материале живую форму.

Женщины и дети. Двадцать пять душ. Те, кто несёт жизнь.

Их называли «те, кто несёт жизнь», потому что они были будущим племени. Не слабые, не зависимые — просто их сила была другой. Они рожали, кормили, растили, лечили,

хранили очаг и передавали знания. Без них племя было бы просто стаей охотников, обречённой вымереть в первом же поколении.

Айна — имя, означавшее «Лунная». Его давали девочкам, родившимся в полнолуние, или тем, у кого глаза были светлыми, как лунный камень. Айна была невысокой, с тёмными волосами, заплетёнными в две косы, и глазами цвета мокрого камня. На левой ладони — длинный шрам от ножа. На шее — ожерелье из лисьих зубов, подарок Тура после первой совместной охоты. Она была не просто женой воина. Она была той, кто видит сны. Племя приходило к ней за советом, когда старейшины молчали. Её слово имело вес. И её сон о живой воде и огне в руках Тура ещё не был разгадан.

Дрок — имя, означавшее «Росток». Его давали мальчикам, родившимся весной, когда из-под снега пробивалась первая зелень. Дрок, сын Тура, был высоким и худым, как молодой олень. Волосы тёмные, как у отца, глаза серые, острые. На правом колене — шрам от падения на камни. Он уже ходил с охотниками, учился ставить силки и читать следы. В его взгляде уже просыпалось то же тёмное, голодное чувство, что и у отца. Он хотел быть как Тур. И боялся, что не сможет.

Лайя — имя, означавшее «Свет». Его давали девочкам, родившимся на рассвете, или тем, кто приносил в племя радость. Лайя, дочь Тура, была маленькой, светловолосой — редкость в племени, где все были тёмными. Глаза голубые,

как лёд. У неё не хватало переднего зуба, и она постоянно пачкалась. Но её смех был таким звонким, что даже старейшина улыбался, когда слышал его. Она была светом племени. И Тур, глядя на неё, чувствовал, что готов убить любого, кто посмеет причинить ей боль.

Остальные женщины — жёны охотников, матери, дочери — носили имена, данные за силу, за выносливость, за умение хранить тепло. Они собирали коренья и ягоды, готовили пищу, шили одежду, рожали детей и хоронили мёртвых.

Старики. Двадцать четыре души. Те, кто помнит начало.

Их называли «те, кто помнит начало», потому что они хранили память племени. Не только имена предков, но и истории, законы, запреты, ритуалы. Они уже не ходили на охоту, но их руки всё ещё делали иглы, сети, ловушки. Их глаза всё ещё видели то, что не видели молодые. Их голоса звучали на советах, и к ним прислушивались.

Орн — имя, означавшее «Орёл». Его давали тем, кто видел далеко и говорил редко, но метко. Орн был высок и прям, несмотря на шестьдесят две зимы за плечами. Волосы и длинная борода — белые, как снег на вершинах. Левый глаз слепой — белый, как облако, — но правый видел остро, как у молодого. Лицо изрезано морщинами, как русло пересохшей реки. Он носил плащ из медвежьей шкуры и посох с вырезанными символами. Он решал, когда племени двигаться, когда охотиться, когда молиться. Его слово было законом. Но даже он иногда смотрел на Тура и молчал, пото-

му что чувствовал: время охотников уходит, и на смену ему идёт время воинов.

Сарна — имя, означавшее «Лань». Его давали женщинам с тёмными, глубокими глазами и мягкой, но уверенной походкой. Сарна была низкой и коренастой, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу. У неё не хватало нескольких зубов, но глаза были чёрными и острыми, как обсидиан. Она носила ожерелье из костяных бусин и сумку с целебными травами и охрой. Она была целительницей, повитухой и хранительницей очага. Она знала, какие травы лечат, какие убивают, и какие вызывают видения. Её боялись и уважали в равной мере. И она была единственной, кто мог спорить с Орном — и иногда побеждать.

Остальные старики — бывшие охотники, ремесленники, матери — носили имена, данные за мудрость, за терпение, за умение молчать и слушать. Они были памятью племени — живой, дышащей, незаменимой.

Семьдесят четыре человека. Один лагерь. Одна земля — Хар эс ма. И один воин, который встал между ними и смертью. Его имя теперь знали все. И оно означало: «Тот, кто не сворачивает».

Два слова. «Холодные люди». Не приказ, не мольба — зов. Так кричали, когда звали своих. Так кричали, когда нужно было, чтобы все услышали и пришли. И лагерь ответил.

Первыми, как всегда, вышли охотники. Они спали ближе

к выходу из пещер, потому что в любой момент могли понадобиться. Гарм появился из темноты своего грота, на ходу затягивая ремень из волчьей кожи. Его бритый череп блестел от инея, шрам на подбородке побелел на морозе. Он встал в строй, но не рядом с Туром — чуть поодаль, скрестив руки на груди. Смотрел прямо, но в глазах — тёмное, недовольное. Он вышел не потому, что позвал Тур. Он вышел потому, что позвали всех. И это было важно.

За ним — Ворн, гибкий, с косой, перекинутой через плечо, с двумя обрубками пальцев на левой руке, которые он не прятал. Он встал легко, пружинисто, как будто уже был готов бежать. Торг вывалился из своей пещеры, огромный, медлительный, с шерстью, прилипшей к плечу. Он зевнул так, что хрустнула челюсть, и встал в строй, даже не пытаясь скрыть, что ему всё равно.

Остальные двенадцать охотников выходили один за другим — кто-то быстрым шагом, кто-то вразвалку, кто-то ещё дожёвывая кусок вчерашнего мяса. Они вставали в линию, и их дыхание поднималось над лагерем, как дым ещё одного костра.

Следом — ремесленники. Крем вышел, сгорбленный, с кремниевым ножом, заткнутым за пояс, и с пальцами, изрезанными так, что на морозе они кровили. Он встал в строй, не поднимая глаз, — ему было всё равно, кто стоит рядом, лишь бы можно было вернуться к работе. Бора появился, звеня бусами из зубов и позвонков, и его узловатые пальцы

теребили край шкуры. Мира вышла с широкими плечами, с руками, бурыми от дубильных растворов, и встала так, чтобы ветер не дул в лицо. Остальные семеро — косторезы, деревообработчики, мастера по оружию — заняли свои места. Их руки, казалось, даже в строю продолжали работать: кто-то перебирал кремень, кто-то проверял остриё, кто-то просто сжимал и разжимал пальцы, чтобы не замёрзли.

Потом пошли женщины и дети. Айна вышла первой — невысокая, с двумя косами, с ожерельем из лисьих зубов на шее. Она встала так, чтобы видеть Тура, и её глаза цвета мокрого камня смотрели спокойно. Рядом с ней — Дрок, высокий, худой, с серыми глазами, которые уже смотрели на отца не как на отца, а как на воина. Он встал чуть шире, чем нужно, пытаясь казаться больше, чем был. Лайя держалась за руку матери, светловолосая, голубоглазая, с дыркой от выпавшего зуба. Она зевала и тёрла глаза, но не плакала. В Хар эс ма дети не плакали по утрам. Слишком холодно было тратить силы на слёзы.

За ними — остальные женщины, матери, дочери. Они вставали в строй молча, привычно, как будто делали это каждое утро всю жизнь. Кто-то поправлял шкуру на плечах, кто-то прижимал к груди младенца, кто-то просто стоял, глядя вперёд, на Тура, и ждал, что он скажет.

Последними вышли старики. Орн появился, опираясь на посох с вырезанными символами, в плаще из медвежьей шкуры. Его белая борода была в инее, слепой глаз смотрел

в никуда, но правый — острый, как у молодого, — скользнул по строю и остановился на Туре. Он встал в центре, и старики сомкнулись вокруг него. Сарна вышла следом, низкая, коренастая, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу, с сумкой целебных трав на боку. Она встала рядом с Орном, и они вдвоём — старейшина-мужчина и старейшина-женщина — образовали ось, вокруг которой держалось всё племя.

Семьдесят четыре человека. Все на месте. Тур обвёл их взглядом — медленно, от края до края. Он видел Гарма, который смотрел на него с вызовом. Видел Ворна, готового бежать. Видел Торга, которому было всё равно. Видел Крема, который думал о своей работе. Видел Айну, которая смотрела на него с доверием. Видел Дрока, который хотел быть как он. Видел Лайю, которая ещё не понимала, что происходит, но уже стояла вместе со всеми. Видел Орна, который ждал. Видел Сарну, которая молчала.

Тур поднял руку. Строй замер.

— Кхар туу, — сказал он, и голос его звучал тихо, но слышно было каждому. — Сегодня мы живы.

Он сделал паузу. Ветер прошёл по строю, поднимая снежную пыль.

— Сегодня мы будем готовиться. Охотники — проверить копья и дротики. Ремесленники — наточить наконечники, сделать новые. Женщины — собрать камни для пращей, насушить мяса. Старики — молиться духам и смотреть в огонь.

Мы не ждём. Мы готовимся.

Он опустил руку. Строй дрогнул, но не рассыпался. Люди ждали, что он скажет ещё что-то. Но Тур молчал. Он смотрел на запад, где за скалами скрывался чужак. И тёмное, голодное чувство внутри него просыпалось снова. Оно не спало. Оно ждало.

Гарм фыркнул, но не сказал ничего. Ворн усмехнулся. Торг зевнул. Айна посмотрела на Тура и едва заметно кивнула. Орн стукнул посохом о землю — раз, другой, третий — и строй начал расходиться. Но каждый, кто уходил, знал: сегодня они не просто живут. Сегодня они готовятся к тому, что придёт.

Глава 2 " Урсолкхал"

Утро после поверки не было похоже на обычное. Обычно после слов старейшины люди расходились кто куда — кто к костру, кто к реке, кто к своим инструментам. Но сегодня Тур сказал: «Готовимся», и это слово повисло над лагерем, как морозный туман. Охотники не разошлись. Они остались на площади, переминаясь с ноги на ногу, поглядывая то на Тура, то друг на друга.Тур обвёл их взглядом. Двенадцать пар глаз смотрели на него — кто с надеждой, кто с вызовом, кто с привычным равнодушием. Он поднял руку, и строй замер.— Ворн, — сказал он. — Говори.Ворн вышел вперёд. Он не любил стоять на виду, но сейчас вышел легко, пружинисто, как будто только и ждал, когда его позовут. Коса, перекинутая через плечо, блестела от инея. Два обрубка пальцев на левой руке он не прятал — наоборот, держал руку так, чтобы все видели: он потерял их в снегах, но всё ещё быстрее всех.— Вчера на закате я ходил к реке, — сказал Ворн. Голос у него был негромкий, но чёткий, как удар кремня. — За скалами, где река поворачивает на север, у старой ивы. Там был след. Большой. Очень большой.Он присел на корточки и пальцем начертил на снегу круг — размером с валун.— Вот такой. Глубокий. Снег в отпечатке не успел затвердеть — значит, зверь прошёл ночью. И ещё: рядом с отпечатком — борозда. От рога. Длинная, широкая.

Он волочил рог по снегу, когда шёл.Гарм, стоявший чуть поодаль со скрещёнными руками, подал голос:— Старый. Одинокий. Больной.Ворн кивнул.— Да. След неровный. Он хромал на левую переднюю. И шёл медленно. Такой не убежит.Тур слушал молча. Он смотрел на круг, начерченный Ворном на снегу, и в его голове уже складывалась картина: старый носорог, одинокий, хромой, уставший от жизни. Такой не боится никого, потому что пережил всех своих врагов. Но и драться с ним тяжелее — он не побежит, он пойдёт напролом.— Носорог — это мясо, — сказал Тур. — Много мяса. Шкура. Рог. Нам нужно всё. Но он опасен. Старый носорог не убегает. Он атакует. И если мы не убьём его с первого удара, он заберёт кого-нибудь с собой.Охотники молчали. Они знали это. Каждый из них видел, что может сделать носорог с человеком.— Гарм, — сказал Тур. — Ты идёшь со мной. Ты будешь читать след. Ворн — ты идёшь впереди. Ты самый быстрый. Если носорог бросится, ты должен отвлечь его. Увести в сторону. Торг — ты остаёшься.Торг, огромный, медлительный, с топором на плече, недовольно заворчал.— Почему я? — прогудел он. — Я хочу на охоту.— Потому что ты нужен здесь, — сказал Тур. — Если чужак придёт, пока нас нет, ты должен прикрыть женщин и детей. Ты сильный. Ты медленный. Но у входа в лагерь ты будешь стоять, как скала. Никто не пройдёт.Торг помолчал, потом кивнул. Он знал, что Тур прав. Он всегда знал.— Остальные, — продолжил Тур. — Девять охотников идут со мной. Трое остаются с

Торгом. Мы выходим, когда солнце поднимется над дальней скалой. Крем!Крем вышел вперёд, сгорбленный, с кремниевым ножом за поясом и с руками, изрезанными так, что на морозе они кровили. Он нёс связку наконечников — длинных, острых, отбитых с такой точностью, что свет играл на гранях.— Берите, — сказал Крем. Голос у него был хриплый, как скрип камня о камень. — Каждый — один. Остальные — про запас. Эти пройдут сквозь шкуру носорога, как сквозь воду. Я проверял.Охотники начали разбирать наконечники. Каждый брал свой, осматривал, проверял остриё пальцем. Кто-то привязывал к древку сыромятным ремнём, кто-то просто заткнул за пояс. Ворн взял два — один для лука, один про запас. Гарм выбрал самый длинный, с изогнутым краем, и повертел его в руках, проверяя баланс.Мира, женщина с широкими плечами и бурыми от дубильных растворов руками, уже вынесла из своей пещеры свёрток. В нём были ремни — длинные, прочные, из воловьей кожи. Она положила свёрток перед охотниками.— Для носилок, — сказала она. — Если туша тяжёлая, понесёте на ремнях. И ещё — вот. — Она достала мешочек. — Жир. Смажьте древки, чтобы не скрипели на морозе. И руки. Иначе копьё выскользнет.Охотники начали смазывать руки и древки. Жир пах топлёным салом и дымом. Тур взял горсть, растёр между ладонями. Пальцы, потрескавшиеся от холода, заблестели.Бора, маленький, высохший, с бусами из зубов и позвонков на шее, подошёл к Туру. В его узловатых пальцах был

кремниевый нож — не простой, а с вырезанным на рукояти знаком. Спираль. Символ жизни.— Возьми, — сказал Бора тихо. — Я сделал его прошлой ночью. Рукоять из рога. Лезвие из лучшего кремня. Если носорог подойдёт близко — это тебя выручит.Тур взял нож. Он был лёгким, удобным, как продолжение руки. Он посмотрел на Бору и кивнул.— Спасибо, — сказал он. — Я верну его с кровью носорога.Бора улыбнулся — беззубо, криво, но тепло.— Верни его с собой, — сказал он. — Кровь — не главное.Айна подошла к Туру, когда он проверял копьё. В руках она держала мешочек с сушёным мясом и маленький кожаный кисет.— Мясо — на случай, если охота затянется, — сказала она. — А это — охотничья мазь. Сарна сделала. Из трав. Если ранят — приложишь к ране.Тур взял мешочек и кисет. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не холод, не голод. Что-то другое.— Ты видела сон, — сказал он. — Про огонь в руках.Айна кивнула.— Я не знаю, что это значит, — сказал Тур. — Но я чувствую: это важно. Когда вернусь — расскажешь мне всё. До конца.Айна посмотрела на него и улыбнулась — редко, коротко, но тепло.— Возвращайся, — сказала она. — Тогда расскажу.Дрок, сын Тура, стоял в стороне, у края площади, и смотрел на отца. В его руках было маленькое копьё — не игрушка, а настоящее, сделанное специально для него. Он держал его так, как держат взрослые: двумя руками, крепко, уверенно. Тур подошёл к нему.— Ты остаёшься, — сказал Тур. — Ты ещё мал

для носорога.— Я знаю, — сказал Дрок. — Но я буду охранять лагерь. С Торгом. Если чужак придёт, я его увижу первым.Тур посмотрел на него. В серых глазах сына было что-то, что он узнал. Голод. Тот самый, который он носил в себе с утра. Он положил руку на плечо Дрока.— Смотри в оба, — сказал он. — И слушай Торга. Он медленный, но он знает, что делает.Дрок кивнул. Он не улыбнулся. Он был серьёзен, как взрослый.Лайя, светловолосая, голубоглазая, с дыркой от выпавшего зуба, подбежала к отцу и обняла его за ногу. Тур присел, взял её на руки. Она была лёгкой, как пучок соломы.— Ты вернёшься? — спросила она.— Вернусь, — сказал Тур. — Принесу тебе рог. Большой. Ты сможешь трубить в него, и все будут знать: это Лайя.Она засмеялась — звонко, как колокольчик. Тур поставил её на землю и посмотрел на запад.Солнце поднялось над дальней скалой. Пора.

Орн, старейшина, стоял у входа в лагерь, опираясь на посох. Его белая борода была в инее, слепой глаз смотрел в никуда, но правый — острый, как у молодого, — следил за каждым движением охотников. Когда Тур проходил мимо, Орн поднял посох и преградил ему путь.— Тур, сын Гхара! — сказал он. Голос был хриплый, но твёрдый. — Сегодня ты ведёшь двенадцать. Верни мне двенадцать. Не одиннадцать. Не десять. Двенадцать.Тур посмотрел на него. Долго. Молча.— Верну, — сказал он.Орн опустил посох. Тур прошёл.Сарна, старейшина-женщина, стояла у костра с сумкой трав на боку. Она не сказала ничего. Только бросила в огонь

щепотку сухих листьев. Дым поднялся густой, сладковатый, и поплыл над лагерем, уносясь к небу. Это была молитва. Или предупреждение. Тур не знал. Но он почувствовал, как холод внутри него стал ещё твёрже.Охотники вышли из лагеря, когда солнце поднялось над скалами, но не согрело их. Ветер дул с запада, с гор, и нёс запах снега и камня. Двенадцать человек шли гуськом, след в след, как волчья стая. Впереди — Ворн, лёгкий, быстрый, с луком на плече. За ним — Гарм, который читал снег, как другие читают лица. Потом — остальные, с копьями и дротиками. Замыкал цепочку Тур.Они шли вдоль реки, где лёд ещё не сомкнулся и вода чернела в прорубях, как открытые глаза. Скалы сменялись низинами, поросшими карликовой берёзой и можжевельником. Снег здесь был неглубокий, но жёсткий, как соль. Идти было легко. Говорить — нельзя. На охоте звук уходит далеко, а зверь слышит лучше человека.Через два часа Ворн поднял руку. Все остановились. Он присел на корточки и показал на снег. Там, у кромки кустарника, был след. Глубокий. Широкий. С бороздой от волочащегося рога.

След вёл их на север, вдоль реки, туда, где скалы смыкались с низиной и начиналось гиблое место. Тур знал его. Здесь река разливалась широко и неглубоко, и каждую зиму вода выступала из берегов, замерзала, потом оттаивала, потом снова замерзала. Получалось болото, покрытое коркой льда, под которой хлюпала чёрная вода. Идти здесь было опасно: можно было провалиться по пояс, а то и по грудь. Но

зверь выбрал именно это место. Старый, хромой, он искал тишины. Или смерти.

Они шли медленно. Ворн — впереди, лёгкий, пробуя лёд древком копья перед каждым шагом. За ним — Гарм, пригнувшись, читая снег. Дальше — остальные, растянувшись в цепочку. Тур замыкал. Он смотрел по сторонам и чувствовал, как холод внутри него сжимается в тугой комок. Что-то было не так. Слишком тихо. Даже ворон не кричал.

Местность вокруг была мёртвой. Слева — река, чёрная, с белыми пятнами льда, похожими на кости. Справа — скалы, поросшие мхом и лишайником, серые, будто выцветшие от времени. Между ними — низина, заваленная буреломом. Коряги торчали из снега, как рёбра мёртвого зверя. Ветер здесь стихал, и от этого тишина становилась ещё гуще. Пахло гнилью, мокрой землёй и чем-то ещё — тяжёлым, кислым. Запахом старого зверя.

Носорога,они увидели издалека. На своём языке они называли его «Урсолкхал», что означало «Древний закрывающий солнце». Между собой охотники называли его просто " Сокхал». Он стоял у самой воды, огромный, тёмный, как обломок скалы. Шерсть на нём свалялась колтунами, местами вылезла, обнажая серую, покрытую струпьями кожу. Бока впали, рёбра проступали под шкурой, как брёвна под снегом. Он был худ. Не просто старым — измождённым. Но рог, длинный, изогнутый, с зазубринами и трещинами, всё ещё поднимался над головой, как кривой клинок. И глаза, ма-

ленькие, налитые кровью, смотрели на них без страха. Без ярости. С тупым, древним знанием: я умру, но заберу вас с собой.

Он хромал. Левая передняя нога подгибалась, и каждый шаг давался ему с трудом. Он тяжело дышал, и пар вырывался из ноздрей с хрипом, как из кузнечного цеха. Когда он повернул голову, под кожей на шее натянулись жилы, и стало видно, как они дрожат от напряжения.

— Старый, — прошептал Гарм. — Совсем старый. Он еле стоит.

— Он стоит, — сказал Тур. — И будет драться.

Он распределил охотников. Ворн — слева, у реки, с луком. Гарм — справа, за буреломом, с копьём. Остальные — полукругом, за корягами. Ждать. Когда носорог повернётся к Ворну, ударить в бок. Все сразу.

Они ждали. Носорог рыл копытом мёрзлую землю, добывая корни. Он не смотрел на них. Но Тур знал: он чувствует. Старый зверь не боится. Он ждёт.

Ворн поднял лук. Натянул тетиву. Стрела ушла в бок носорога — коротко, глухо, как удар в мокрое дерево. Зверь дёрнулся. Не от боли — от неожиданности. Потом медленно, очень медленно повернул голову к Ворну. И бросился.

Это было страшно. Не быстро — стремительно. Огромная туша, которая только что еле стояла, вдруг сорвалась с места и понеслась вперёд, ломая лёд, вздымая фонтаны снега и чёрной воды. Ворн успел отскочить. Едва. Рог прошёл

в ладони от его бедра. Он упал в снег, покатился, вскочил. Носорог развернулся — медленно, тяжело, — и снова пошёл на него.

— Бей! — заорал Тур.

Копья полетели разом. Три вонзились в бок, одно — в шею. Носорог взревел. Не так, как ревут молодые, — а хрипло, с бульканьем, будто в горле у него кипела кровь. Он развернулся к бурелому и пошёл на охотников. Гарм метнул копьё — в грудь. Оно вошло, но зверь даже не замедлился. Он ударил головой, и Гарм отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Упал на корягу, вскрикнул, схватился за бок. Из-под его руки потекла кровь — тёмная, густая.

Торг, оставшийся в лагере, был прав: носорог не убегал. Он шёл вперёд, и каждый его шаг был как удар молота. Охотники рассыпались, но он выбрал одного — молодого, с коротким копьём, — и пошёл на него. Тот попятился, споткнулся о корягу, упал. Носорог навис над ним, и его рог пошёл вниз.

Тур ударил. Он не помнил, как оказался рядом. Просто в какой-то момент он уже был там — между носорогом и упавшим охотником. Копьё он метнул в морду зверя, и оно вошло в глаз. Носорог мотнул головой, и древко сломалось, как сухая ветка. Но это дало охотнику секунду. Он откатился в сторону. Носорог развернулся к Туру.

И тут Тур увидел его глаза. Близко. Один — вытек, чёрный, пустой. Другой — живой, налитый кровью, смотрел на

него с чем-то, что не было яростью. Это было узнавание. Старый зверь знал, что умрёт. И хотел забрать его с собой.

Тур выхватил нож Боры — кремниевый, с рукоятью из рога. Носорог бросился. Тур отступил в сторону — на полшага, не больше, — и ударил. Нож вошёл в шею, под челюсть, туда, где кожа была тонкой, а жилы шли близко к поверхности. Кровь хлынула горячей волной, заливая Туру руки, лицо, грудь. Носорог заревел, дёрнулся, и его рог чиркнул Тура по плечу. Боль обожгла, как огонь. Тур упал на колени, но нож не выпустил. Он провернул его, углубляя рану, и носорог наконец рухнул. Тяжело. Страшно. Прямо на него.

Тур успел откатиться. Тушу пронесло мимо, и она врезалась в корягу, ломая её с треском, как сухую кость. Носорог дёрнулся ещё раз, попытался подняться на передние ноги, но кровь уже уходила из него. Он завалился на бок, тяжело вздохнул — и затих.

Тишина. Только кровь капала с его рога и хриплое дыхание людей.

Тур поднялся. Плечо горело. Рука не слушалась. Из раны текла кровь, смешиваясь с кровью носорога. Он посмотрел вокруг. Ворн сидел на снегу, держась за бедро. Гарм лежал у коряги, стиснув бок, и сквозь его пальцы сочилась кровь. Молодой охотник, которого Тур спас, стоял на коленях, трясся, но был цел. Остальные — кто сидел, кто стоял, кто прижимал к себе раненую руку.

Все были живы. Но потрёпало их знатно.

— Считай, — сказал Тур хрипло.

Гарм, морщась, поднял голову:

— Двенадцать. Все двенадцать.

Тур кивнул. Он посмотрел на носорога. Тот лежал огромный, тёмный, и кровь его растекалась по льду, чёрная, как смола. Рог всё ещё торчал вверх, изогнутый, с трещинами. Тур подошёл и положил на него руку. Холодный. Тяжёлый. Мёртвый.

— Достойная смерть, — сказал он тихо. — И хорошая охота.

Он обернулся к своим. Кровь заливала ему глаз, и он стёр её тыльной стороной ладони.

— Перевязываем раны, — сказал он. — Потом свежуем. И возвращаемся. До темноты.

Они начали двигаться. Медленно, тяжело, но живые. Двенадцать из двенадцати. Как и обещал Орну.

Тур посмотрел на запад, где за скалами садилось солнце, и почувствовал, как тёмное, голодное чувство внутри него наконец насытилось. На время.

Носорог лежал на льду, и кровь его уже не текла — она застывала, густела, становилась чёрной, как смола. Ветер стих, и над низиной повисла тишина, тяжёлая, как мокрая шкура. Только вода капала с рога — мерно, глухо, как удары сердца, которое уже остановилось.

Тур поднялся первым. Плечо горело, и кровь, смешиваясь с потом, заливала глаз. Он стёр её тыльной стороной ладони,

но она тут же натекла снова. Он не обращал внимания. Сначала — люди. Потом — он сам.

— Ворн, — сказал он, и голос его sounded хрипло, как скрип льда. — Твоя нога.

Ворн сидел на снегу, вытянув левую ногу. Его бедро было распорото — не глубоко, но длинно, от бедра до колена. Кровь пропитала штанину из шкуры, и снег под ним был красным. Он улыбался — криво, бледно, но улыбался.

— Царапина, — сказал он. — Я думал, будет хуже.

— Будет, если не перевязать, — сказал Тур. — Сарна научила тебя? Или мне самому?

Ворн махнул рукой — мол, справлюсь. Но руки у него дрожали.

Гарм лежал у коряги, стиснув бок. Кровь сочилась сквозь пальцы — тёмная, густая. Он смотрел на Тура снизу вверх, и в его глазах было что-то новое. Не злость. Не зависть. Что-то, похожее на уважение. Или на страх. Или на то и другое сразу.

— Ты успел, — сказал Гарм. — С носорогом. Я думал, он меня достанет.

— Он тебя достал, — сказал Тур. — Но не до конца.

Он присел рядом, разорвал зубами полосу от своей шкуры и начал перевязывать Гарма. Тот шипел сквозь зубы, но не кричал. Охотники не кричат. Они рычат.

Молодой охотник, которого Тур спас, — его звали Лан, — стоял на коленях, трясся, но был цел. Он смотрел на но-

сорога, и в его глазах был ужас. Не страх смерти. Страх того, что он увидел. Тур подошёл к нему, положил руку на плечо.

— Ты жив, — сказал он. — Это главное. Всё остальное — заживёт.

Лан поднял на него глаза. В них стояли слёзы — не от боли, от чего-то другого. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог. Тур сжал его плечо крепче.

— Потом, — сказал он. — Сейчас — работа.

Они начали свежевать тушу. Это была тяжёлая работа, и раненые делали её медленно. Кремниевые ножи, отбитые Борой и Кремом, шли сквозь шкуру, как сквозь воду, но туша была огромной — выше человека в холке, длиной в три человеческих роста. Шкура пошла на покрывала — её резали на куски, сворачивали в рулоны, перевязывали ремнями Миры. Мясо — на плечи, в мешки из шкур. Рог — Тур отрубил его сам, тяжёлым ударом топора, и положил на снег. Он был длинный, изогнутый, с трещинами и зазубринами. Тяжёлый. Как память о том, что здесь произошло.

— Солхал, — сказал Тур тихо, глядя на рог. — Закрывающий солнце.

Гарм, лежавший у коряги с перевязанным боком, поднял голову:

— Что?

— Так его звали, — сказал Тур. — Этого зверя. Солхал. Я видел его тень. Она закрывала солнце.

Гарм помолчал. Потом кивнул.

— Солхал, — повторил он. — Хорошее имя. Для песни.

Они собрали носилки из веток и ремней — длинные, прочные, чтобы выдержать тушу. Мясо уложили сверху, шкуры — по бокам, рог Тур нёс сам. Восемь охотников взялись за ремни — четверо спереди, четверо сзади. Трое раненых шли рядом, прихрамывая, но шли. Никто не остался лежать.

Дорога назад была медленной. Носилки проваливались в снег, и охотники выбивались из сил, меняясь каждые полчаса. Тур шёл впереди, и его плечо кровоточило, но он не останавливался. Он знал: если остановиться — не дойдут. Холод не прощает слабости.

Они шли вдоль реки, той же дорогой, что и утром. Скалы сменялись низинами, низины — буреломами. Солнце клонилось к западу, и тени становились длинными, как копья. Ветер усилился, нёс снежную пыль, и идти становилось всё тяжелее.

И тут Тур остановился.

Он не знал, что его насторожило. Запах? Звук? Или то самое тёмное, голодное чувство, которое никогда не спало? Он поднял руку, и цепочка замерла. Носилки опустили на снег. Охотники переглянулись.

Тур присел на корточки и посмотрел на снег. Здесь, у поворота реки, где скалы смыкались с низиной, снег был нетронутым. Кроме одного места. Там, у самой кромки кустарника, были следы.

Человеческие. Три пары. Один — большой, тяжёлый. Двое — поменьше. Они шли не гуськом, а рядом, как ходят те, кто не боится, что их увидят. И они были свежими. Очень свежими. Снег в отпечатках ещё не затвердел. Они прошли здесь не больше часа назад.

— Разведчики, — сказал Ворн тихо. Он уже стоял рядом, прихрамывая на раненую ногу, но глаза у него были острые, как у ворона. — Трое.

Гарм подошёл, присел, провёл пальцем по краю следа. Он морщился от боли в боку, но читал снег так же хорошо, как раньше.

— Один тяжёлый, — сказал он. — Большой. Двое легче. Они шли в сторону нашего лагеря. Или возвращались.

— Куда ведут следы? — спросил Тур.

Гарм поднял голову и посмотрел на запад. Потом на восток. Потом снова на следы.

— В обе стороны, — сказал он. — Один след старый — они шли здесь утром. Второй свежий — они вернулись. Час назад. Может, меньше.

Тур молчал. Он смотрел на следы, и в его голове складывалась картина. Трое. Не воинов — разведчиков. Они пришли не за мясом. Они пришли смотреть. Считать. Запоминать. Сколько людей в лагере, где стоят землянки, когда выходят охотники, когда спят. Это была не охота. Это была подготовка.

— Они видели лагерь, — сказал Тур.

— Или увидят, — сказал Ворн. — Если ещё не вернулись к своим.

Тур выпрямился. Плечо дёрнуло болью, но он не обратил внимания. Он посмотрел на своих охотников. Восемь несли носилки. Трое ранены. Все устали. Все голодны. Но все смотрели на него и ждали.

— Мы не идём домой, — сказал Тур.

Гарм поднял голову:

— Что?

— Мы не идём домой, — повторил Тур. — Мы идём за ними. Пока они не ушли далеко. Пока они не рассказали своим, что видели.

— Мы не можем, — сказал Гарм. — Мы ранены. Мы еле идём. Если мы пойдём за ними, мы не донесём мясо. Мы умрём в снегах.

— Мы не умрём, — сказал Тур. — Мы оставим мясо здесь. Закопаем в снег. Вернёмся за ним потом. Сначала — они.

Охотники молчали. Ветер нёс снежную пыль, и она оседала на их лицах, на их ранах, на их усталых глазах. Никто не сказал ни слова. Но Тур видел: они согласны. Все. Даже Гарм. Особенно Гарм.

— Ворн, — сказал Тур. — Ты самый быстрый. Даже с раненой ногой. Иди вперёд. Следи за ними. Не приближайся. Просто смотри, куда они идут. И возвращайся. Мы будем здесь.

Ворн кивнул. Он не улыбнулся. Он просто повернулся и пошёл — легко, пружинисто, как будто рана на бедре была не его. Через минуту он растворился в снежной дымке.

Тур посмотрел на остальных.

— Закопаем мясо, — сказал он. — Быстро. Потом — ждём.

Они начали копать. Снег был жёсткий, как соль, но они копали. Ножами, топорами, руками. Мясо уложили в яму, накрыли шкурами, завалили снегом и ветками. Рог Тур оставил при себе. Он не доверил его снегу. Он нёс его, как факел, как знамя, как память о том, что они сделали.

Потом они сели и стали ждать. Ветер выл в скалах, и снег шёл, и холод заползал под шкуры. Но они ждали. Потому что Тур сказал ждать. А Тур не сворачивал.

Глава 3 " Тгхар Лан пир кгхан"

Решение.

Два часа — это много, когда сидишь на снегу и ждёшь. Ворн вернулся, когда солнце уже начало клониться к западу. Он появился из-за скалы беззвучно, как тень, — хромая, но быстрый, — и Тур заметил его только тогда, когда он был в десяти шагах. Охотники у костра подняли головы. Гарм приподнялся на локте, морщась от боли в боку. Ворн присел на корточки рядом с Туром, и его дыхание было ровным — он умел бегать и не задыхаться. Только на бледном лице выступил пот, который тут же застыл на морозе.— Нашёл, — сказал он тихо. — Их лагерь. Временный. У дальнего склона, за гребнем. Трое. Сидят у камней, разжигают костёр. Видимо, готовятся к ночлежке. Тур кивнул. Он не спросил, далеко ли, сколько их, чем вооружены. Ворн уже сказал главное: трое, костёр, ночлег. Значит, они не уйдут до утра. Значит, время есть.— Они тебя не видели? — спросил Тур.— Нет, — сказал Ворн. — Я не подходил близко. Смотрел с гребня. Они не выставляли дозорных. Не ждут погони.Гарм усмехнулся — криво, без веселья.— Или ждут, но не боятся.— Или не боятся, — согласился Ворн. — Но дозорных нет. Это точно. Тур посмотрел на запад, где за скалами скрывались трое чу-

жаков. Потом на своих. Восемь раненых, усталых, голодных. И только два с половиной боеспособных бойца. Он и Ворн, Лан был еще сыроват, так сказать первоход. Это было уже не то племя, которое выходило на охоту.

Он сел на снег и стал ждать. Теперь он знал, где они. Знал, что они не уйдут. Оставалось решить, как к ним подойти.

Они закопали мясо у подножия скалы, там, где ветер почти не доставал и снег лежал плотным панцирем. Сверху навалили веток, присыпали снегом, притоптали. Снаружи — обычный сугроб. Внутри — мясо на неделю. Тур проверил тайник трижды. Ветер шёл с запада, с гор, и нёс мелкую снежную пыль, которая оседала на лицах, на шкурах, на ранах. Небо стало тяжёлым, свинцовым, и солнце — бледное пятно за тучами — едва угадывалось. День клонился к вечеру, и с каждым часом холод становился злее. Он заползал под шкуры, в рукава, за воротник, в трещины на коже. Раны ныли на морозе — все сразу, у всех. Охотники сидели кружком, прижавшись друг к другу. Кто-то жевал сушёное мясо, кто-то просто смотрел в снег. Гарм лежал у коряги, подложив под бок свёрнутую шкуру, и дышал тяжело, с хрипом — рёбра давали о себе знать. Ворн, перевязанный, сидел у скалы, вытянув раненую ногу, и точил кремниевый нож. Точил медленно, сосредоточенно, как будто от остроты лезвия зависела его жизнь. Лан сидел в стороне, обхватив колени руками, и смотрел в одну точку. Он всё ещё трясся — не от холода, от того, что видел .Тур не сидел. Он ходил по

краю низины — туда и обратно, туда и обратно, — и смотрел на запад. Там, за скалами, были разведчики. Там, за скалами, решалась судьба племени. Внутри него боролись два чувства. Одно — тёмное, голодное, воинское — говорило: иди за ними. Сейчас. Пока они не ушли. Пока не рассказали своим. Другое — холодное, расчётливое, вождеское — говорило: подумай. У тебя восемь бойцов, есть раненые. Восемь человек, которые еле идут. Если ты поведёшь их в бой сейчас, ты потеряешь их всех. А племя останется без охотников.Он думал о лагере. О землянках, о кострах, о женщинах и детях. О Дроке, который остался с Торгом. О Лайе, которая ждала рог. О старейшине Орне, который сказал: «Верни мне двенадцать». Он вернёт. Но не так, как думал Орн.

Ветер ударил в лицо снежной пылью, и Тур зажмурился. Когда открыл глаза, решение уже было. Оно пришло не из головы — из того самого тёмного, голодного чувства, которое никогда не спало. Он подошёл к своим. Охотники подняли головы. Все сразу. Они знали: он что-то скажет.— Слушайте, — сказал Тур. Голос его был негромким, но ветер не мог его заглушить — Мы не можем ждать здесь. Ночь придёт — и мы замёрзнем. Или чужак придёт — и мы не успеем уйти. Нам нужно разделиться. Он сделал паузу. Ветер прошёл по низине, и снег закружился вокруг них.— Ворн, ты пойдёшь со мной. Ты самый быстрый. Даже с раненой ногой. Ты умеешь читать снег и не шуметь. Мне нужны твои глаза. Ворн кивнул. Не улыбнулся. Просто кивнул.— Лан, —

сказал вождь. — Ты тоже идёшь. Лан поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — страх, удивление, недоверие. Он открыл рот, но Тур его опередил:— Ты молод. Ты испуган. Я знаю. Но ты должен увидеть, что такое настоящая схватка. Не та, где ты стоял в стороне. Та, где ты идёшь вперёд. Иначе ты останешься испуганным навсегда. Лан ничего не сказал. Он просто смотрел на Тура. Потом медленно, очень медленно, кивнул.— Гарм, — сказал Тур. — Ты поведёшь остальных домой.Гарм приподнялся на локте. Его лицо исказилось — от боли, от недоверия, от чего-то ещё.— Я? — сказал он. — Ты отправляешь меня домой? С раненым боком? Я лучший следопыт племени!— Поэтому ты и поведёшь, — сказал Тур. — Ты знаешь дорогу. Ты знаешь, как идти тихо. Ты знаешь, где можно спрятаться, если чужак появится. И ты знаешь, что делать, если мы не вернёмся. Гарм замолчал. Слова Тура были как удар в грудь — не обидный, но тяжёлый. Он опустил голову. Потом снова поднял. В его глазах что-то изменилось. Не злость. Не зависть. Что-то, похожее на уважение.— Я доведу их, — сказал он. — Всех. И мясо.— Знаю, — сказал Тур.

Он повернулся к остальным. Шесть целых охотников, лишь у одного обморожены пальцы и один с раненой рукой. Усталые, но живые. Они смотрели на него и ждали.— Вы идёте с Гармом, — сказал Тур. — Мясо несёте. Не останавливаетесь. Не оглядываетесь. К темноте должны быть в лагере. Если кто-то отстанет — Гарм решает, что делать. Ес-

ли чужак появится — Гарм решает, как отвечать. Его слово — моё слово. Он обвёл их взглядом. Медленно. От края до края.— Мы вернёмся, — сказал он. — Все трое. Или никто. Охотники молчали. Потом кто-то — кажется, тот самый с раненой рукой — сказал тихо: — Возвращайтесь. Тур кивнул.

Сборы были короткими. Опытные охотники — те, кто шёл домой, — выкопали мясо из тайника, взвалили на носилки, проверили ремни. Гарм, морщась, поднялся, опираясь на копьё. Он посмотрел на Тура, и между ними прошло что-то — не слова, не обещание. Просто взгляд. Двое воинов, которые знают, что могут не увидеться. Ворн проверил лук, стрелы, нож. Лан стоял в стороне, сжимая своё короткое копьё, и лицо у него было бледное, но твёрдое. Тур подошёл к нему, положил руку на плечо.— Держись рядом, — сказал он тихо. — Смотри, слушай, не беги. Если станет страшно — смотри на меня. Я не сворачиваю. И ты не сворачивай. Лан кивнул. Его губы дрожали, но глаза были сухими.

Они разошлись у поворота реки, там, где следы разведчиков уходили на запад, к скалам. Гарм повёл своих на восток — к лагерю, к теплу, к жизни. Носилки качались на плечах, и снег скрипел под ногами. Они не оглядывались. Тур смотрел им вслед, пока последний не скрылся за скалой. Потом он повернулся к западу. Ветер ударил в лицо, и снежная пыль забила глаза. Он зажмурился, вытер лицо тыльной стороной ладони — кровь уже запеклась, но рана снова заныла, — и

посмотрел на Ворна и Лана.— Идём, — сказал он. — След свежий. К темнота нас ждать не будет, хотя она нам нисколько не помешает. Ворн кивнул и пошёл вперёд, хромая, но быстро. Лан — за ним. Тур замыкал. Трое уходили в снег, туда, где за скалами скрывались разведчики. Солнце клонилось к западу, и тени становились длинными, как копья.

Путь.

Гарм повёл своих на восток, и первые полчаса никто не говорил. Носилки качались на плечах, снег скрипел под ногами, ветер свистел в скалах. Восемь охотников несли носилки с мясом — четверо спереди, четверо сзади, — и снег скрипел под их ногами. Среди них был и тот с рассечённой рукой: он держал ремень здоровой рукой, а раненую прижимал к груди, и носилки качались чуть сильнее, чем должны были. Был и тот с обмороженными пальцами — он стиснул ремень так, что побелели костяшки, и не жаловался. Оба знали: если остановятся, если сдадутся — не дойдут до темноты. А ночевать в открытой степи, с ранеными, без огня и укрытия, — верная смерть. Поэтому они шли. Стиснув зубы, сквозь боль, но шли.

Гарм возглавил племя, шёл впереди и читал снег, опираясь на копьё и каждый шаг отдавался болью в боку. Он не показывал. знал: если он покажет, что ему больно, остальные сломаются.

Тур, Ворн и Лан шли на запад, и первые полчаса тоже молчали. Ворн хромал, но не сбавлял шага. Лан держался рядом с Туром, и его короткое копьё подрагивало в руке. Тур не смотрел на него. Он смотрел на следы — три пары, чёткие, свежие, они вели к скалам, туда, где начиналось гиблое место, ещё более мрачное, чем то, где они убили Солхала.

Они не торопились, — сказал Ворн тихо, не оборачиваясь. — Шли ровно. Не бежали.— Значит, не думали, что их преследуют, — сказал Тур.— Или думали, что никто не посмеет, — сказал Ворн.

Гарм остановил своих у поворота реки, там, где начиналась широкая низина — ровная, открытая, простреливаемая ветром. Он поднял руку. Все остановились. Носилки опустили на снег. Отдых, — сказал Гарм. Пять минут, или как там у кроманьонцев исчислялось время. Потом идём дальше. Охотники сели прямо на снег, привалившись к носилкам. Тот, с раненой рукой, начал перевязывать её заново — кровь просочилась сквозь шкуру и застыла. Гарм присел рядом, посмотрел на его руку, потом на его лицо.— Как? — спросил он.— Терпимо, — сказал охотник. Хуже, когда думаю о том, что там Тур. Гарм ничего не сказал. Он смотрел на запад, где за скалами скрылись трое. Потом на восток, где за низиной ждал лагерь. Между ними было расстояние в полдня пути, и в этом расстоянии была вся его жизнь. Он не знал, что хуже: идти домой с мясом и без Тура, или идти за Туром и оставить мясо. Он выбрал первое. Но легче от этого не стало. Тур остановился у подножия скалы. Следы здесь расходились — две пары уходили вверх, в каменную осыпь, одна — вниз, к реке. Ворн присел, провёл пальцем по краю отпечатка. Один отделился, — сказал он. Пошёл к воде. Может, пить. Может, смотреть. Или оставлять знак, сказал Тур. Для тех, кто придёт следом. Лан смотрел на следы, и его ли-

цо было бледным. Он никогда не читал следы так, как Ворн. Он вообще мало что умел. Он был молод, силён, быстр — но опыта у него не было. Тур это знал. И всё равно взял его. Потому что опыт — дело наживное, а трусость — нет. А Лан не был трусом. Он был испуган. Это разные вещи.

Гарм повёл своих через низину. Ветер здесь был злее, он бил в лицо, нёс снежную пыль, и идти становилось тяжелее. Носилки проваливались в снег, и охотники выбивались из сил. Гарм менял их через некоторое время, иногда сам встал под ремень, хотя бок горел огнём. Он не мог иначе. Он был вторым после Тура. А теперь — первым. И он должен был быть достойным.— Гарм, — сказал один из охотников, молодой, с обмороженными пальцами. — А если они не вернутся? Гарм не обернулся. Он смотрел вперёд, на скалы, за которыми был лагерь.— Вернутся, — сказал он. — Тур не сворачивает. И Ворн не сворачивает. И Лан — тоже. Он ещё не знает, но он не сворачивает. Он сказал это и сам поверил. Потому что если не верить — можно сойти с ума.

Тур поднимался по осыпи. Камни скользили под ногами, и раненое плечо дёргало болью. Ворн шёл впереди, лёгкий, как тень. Лан — за Туром, и его дыхание сбивалось. Он старался не отставать. Тур видел это. И не помогал. Он знал: если помочь сейчас — Лан не научится. А если не помочь — научится или умрёт. Другого пути нет. Наверху, у гребня, Ворн остановился и присел. Тур подошёл, пригнулся. Лан — за ним. За гребнем открывалась долина — узкая, каменистая,

заваленная буреломом. И в этой долине, у самого дальнего склона, горел костёр. Маленький, едва заметный. Но огонь. Живой огонь. Они, — сказал Ворн тихо. — Трое. Сидят у огня. Тур смотрел на костёр и чувствовал, как тёмное, голодное чувство внутри него просыпается снова. Оно было спокойным. Холодным. Расчётливым. Он посмотрел на Лана. Тот смотрел на костёр, и в его глазах был страх. Но не тот, что утром. Не парализующий. Другой. Страх, который можно использовать.— Ждём, — сказал Тур. — Когда они уснут.

Гарм вышел к лагерю, когда солнце уже садилось. Первым он увидел дым — десятки очагов, поднимающихся к серому небу. Потом скалы, знакомые до последней трещины. Потом людей. Они вышли навстречу. Торг — огромный, с топором на плече, стоял у входа в лагерь. За ним женщины, дети, старики. Все, кто остался. Гарм опустил носилки и выпрямился. Бок горел, но он не показал. Он посмотрел на Торга и сказал:— Мясо. Носорог. Убили.

Торг кивнул. Потом посмотрел за спину Гарма. На носилки. На охотников. И его лицо изменилось. Где Тур? — спросил он. Гарм молчал. Он смотрел на Торга и не знал, что сказать. Он готовился к этому всю дорогу, но слова не шли. — Где Тур? — повторил Торг, и голос его был тяжелее камня. Ушёл, — сказал Гарм. — За разведчиками. С Ворном и Ланом. Торг молчал. Потом медленно опустил топор с плеча. Его лицо было каменным. Он посмотрел на запад, где за

скалами скрылись трое. И ничего не сказал.

Айна вышла из землянки, когда услышала голоса. Она несла в руках мешочек с травами — только что вернулась от Сарны. Она увидела носилки, мясо, охотников. Увидела Гарма. И остановилась. Она не спросила. Она просто смотрела. Смотрела на носилки, на лица, на запад. И всё поняла.Мешочек выпал из её рук. Травы рассыпались по снегу — сухие, бурые, бесполезные. Она стояла и смотрела на запад, и её лицо было белым, как снег. Не плакала. Не кричала. Просто стояла.

Дрок вышел следом за матерью. Он увидел отца? Нет. Он увидел Гарма, носилки, охотников. И не увидел отца. Он посмотрел на мать. Потом на запад. Потом снова на мать. И его лицо стало взрослым. В одну секунду. Он подошёл к Айне и взял её за руку.— Он вернётся, сказал Дрок. Он обещал. Айна посмотрела на сына. Долго. Молча. Потом кивнула.

Лайя выбежала из землянки с криком — она всегда выбегала с криком, когда слышала, что вернулись охотники. Она искала глазами отца. Не нашла. Остановилась. Посмотрела на мать, на брата, на запад. И её губы задрожали. А где папа? — спросила она тихо. Никто не ответил. Айна присела, обняла её, прижала к себе. Лайя заплакала — не громко, не звонко. Тихо. Как плачут дети, когда понимают, что мир не такой, каким они его думали.

Жена Ворна, Мила, стояла у своей землянки, прижимая к груди младенца. Она была молодой — моложе Ворна на пять

зим. Она не плакала. Она смотрела на запад и что-то шептала — то ли молитву, то ли проклятие. Её руки дрожали, но она держала ребёнка крепко.

Мать Лана, старая женщина с седыми волосами и шрамом на щеке, сидела у костра. Она не встала. Она не могла. Она просто смотрела в огонь и качалась вперёд-назад, вперёд-назад. Беззвучно.

Старейшина Орн вышел из своей пещеры, опираясь на посох. Он посмотрел на Гарма, на носилки, на запад. Его слепой глаз смотрел в никуда, но правый — острый, как у молодого, — видел всё. Он подошёл к Гарму и сказал тихо, чтобы слышал только он:— Сколько их?— Трое, — сказал Гарм. — Тур, Ворн, Лан. Орн помолчал. Потом кивнул.— Значит, трое вернутся, — сказал он. Он повернулся и пошёл обратно в пещеру.

Сарна стояла у входа, и в её руках была чаша с дымящимся отваром. Она не сказала ничего. Только вылила отвар в снег — медленно, до последней капли. Это было подношение. Или прощание. Лагерь молчал. Только ветер выл в скалах, и снег шёл, и огонь в кострах трещал, как будто говорил что-то на своём древнем языке.

Айна стояла у землянки, обнимая Лайю, и смотрела на запад. Дрок держал её за руку. Мила качала младенца. Мать Лана качалась у костра. Гарм стоял, опираясь на копьё, и кровь из его раны снова просочилась сквозь повязку — он не замечал. Они ждали. Все. Всем лагерем. Семьдесят один че-

ловек — те, кто остался. Ждали троих, которые ушли в снег.

Сарна все видит.

В лагере Кхар туу ночь опускалась медленно, как кровь из раны. Солнце ушло за Уральский хребет, и небо над степью стало чёрным, как обсидиан, усыпанным колючими звёздами. Ветер стих, и тишина повисла над пещерными гротами— тяжёлая, густая, как вода в проруби. Только костры трещали, бросая багровые отсветы на скалы, да где-то вдалеке выл волк — одинокий, тоскливый.

Айна не спала. Она сидела у входа в землянку, закутавшись в волчью шкуру, и смотрела на запад. Туда, где за скалами скрылись трое. Лайя спала рядом, свернувшись клубком, и её дыхание было ровным, тёплым. Дрок сидел напротив, у костра, и точил кремниевый нож — медленно, сосредоточенно, как взрослый. Он не спал. Он ждал.— Иди спать, — сказала Айна тихо.— Не хочу, — ответил Дрок, не поднимая глаз.— Он вернётся.— Я знаю. Поэтому и жду. Айна ничего не сказала. Она смотрела на запад и чувствовала, как внутри неё что-то сжимается — тугой комок, который не давал дышать. Она видела сон. Про огонь в руках Тура. Живой огонь. Она не знала, что это значит. Но чувствовала: это важно. И ещё она чувствовала: сегодня что-то случится. Что-то, что изменит всё.

Мила, жена Ворна, стояла у своей землянки, прижимая к груди младенца. Она не плакала. Она уже выплакала все слё-

зы днём, когда Гарм вернулся без Тура. Теперь она просто стояла и смотрела на запад. Её губы шевелились — она шептала имя мужа. Снова и снова. Как молитву. Как заклинание.

Мать Лана, старая женщина с седыми волосами и шрамом на щеке, сидела у костра. Она не качалась больше. Она просто смотрела в огонь. И в её глазах было что-то, чего не было днём, — смирение. Она знала: её сын ушёл. Мальчиком. Вернётся ли мужчиной — не знает никто.

Старейшина Орн вышел из своей пещеры, опираясь на посох. Он посмотрел на запад, на звёзды, на костры. Потом подошёл к Айне и сел рядом. Долго молчал.— Ты видела сон, — сказал он наконец. Это был не вопрос.— Видела, — ответила Айна.— Про огонь?Она кивнула. Орн помолчал. Потом сказал тихо:— Огонь в руках — это не смерть. Это жизнь. Тур вернётся. Но не таким, как ушёл. Айна посмотрела на него. Её глаза блестели от слёз, но она не плакала.— А Лан? — спросила она. Орн не ответил. Он смотрел в огонь и молчал.

А в это время в глубине пещеры, там, где не было никого, кроме старейшины-женщины, происходило другое!

Сарна сидела на шкуре, скрестив ноги, и перед ней горел маленький костёр — не для тепла, для дела. Она сама разожгла его от углей, принесённых из общего очага, и теперь бросала в него сухие травы. Дым поднимался густой, сладковатый, с горькой ноткой — полынь, можжевельник, что-то ещё, тёмное, что она собрала ещё осенью, когда луна бы-

ла полной. Сарна не спала. Она не могла спать. Она чувствовала: сегодня ночью решается судьба племени. Трое ушли в снег. Трое не вернутся, если духи не помогут. И она знала, как просить духов. Она достала из сумки костяную иглу — длинную, тонкую, из ноги оленя — и провела ею по своей левой ладони. Не глубоко. Только чтобы выступила кровь. Капля упала в огонь, и дым вспыхнул багровым, на секунду осветив пещеру. Сарна закрыла глаза и начала шептать — слова древние, которые она выучила от своей матери, а та — от своей. Слова, которые звали духов.И духи пришли. Не сразу. Сначала — тепло в груди. Потом — тяжесть в руках, как будто она держала копьё. Потом — картинка. Яркая, чёткая, как будто она стояла там, в долине, у костра чужаков. Она видела Тура. Видела Лана. Видела Ворна на гребне с луком. Она видела, как чужаки лежат у костра, накрывшись шкурами, и как Тур подходит к ним — осторожно, пригнувшись.Сарна выдохнула и бросила в огонь ещё щепотку трав. Дым поплыл, закрутился, и картинка стала ещё чётче. Она видела шкуры. Видела, что они лежат слишком ровно. Видела, что под ними нет тел. Она хотела крикнуть — но не могла. Она была не там. Она была здесь, в пещере, и могла только смотреть. И тогда она сделала то, что делали её предки. Она взяла нож — кремниевый, с рукоятью из рога, — и провела им по своей правой руке. От плеча к локтю. Не глубоко, но достаточно, чтобы кровь потекла. Она смешала свою кровь с дымом и прошептала слова, которые должны

были дать Туре силу. Силу видеть. Силу чувствовать. Силу бить. И в тот же миг, там, в долине, Тур закричал: «Ложись!» — и оттолкнул Лана в сторону.

Сарна вскрикнула. Её спина выгнулась, как от удара. Она почувствовала боль — острую, горячую, как будто нож вошёл ей в бок. Это был чужак, тот, с бородой. Он ударил Тура. И Сарна почувствовала этот удар. Её голова дёрнулась, из носа потекла кровь — тонкая струйка, тёмная. Она не остановилась. Она продолжала шептать. Бросала травы в огонь. Дым становился гуще, и картинка в её голове — ярче. Она видела, как Тур бьёт чужака. Как нож входит в горло. Как второй чужак падает, схватившись за грудь. Она видела Лана — мальчика, который дрался с двумя, — и чувствовала его страх. Такой же, как её собственный. И тогда она сделала то, что не делала никогда. Она взяла нож и провела им по своей левой руке — от кисти к локтю. Кровь хлынула, заливая шкуру, но Сарна не обращала внимания. Она шептала имена — Тура, Лана, Ворна, — и просила духов дать им силу. Она видела, как Лан упал. Как чужак навис над ним. Как Тур стоял в стороне и кричал. Она видела страх в глазах Лана — тот самый, утренний, парализующий. И она почувствовала, как её собственное сердце сжимается от этого страха. Она хотела помочь. Но не могла. Она могла только смотреть. И тогда она бросила в огонь последнюю щепотку — ту самую, тёмную, что собрала осенью, — и прошептала слова, которые звали не духов, а саму смерть. Не для того, чтобы убить. Для

того, чтобы дать силу. И Лан ударил. Снегом в лицо. Потом почему Чужак пропал из её колдовского видения, но Сарна почувствовала четкий удар и боль в области глаза. Как будто она сама повлияла на этот удар. Как будто её собственная рука убивала! Она закричала. Громко. Так, что в соседней пещере Орн поднял голову. Но никто не пришёл. Все знали: когда Сарна колдует, её не трогают. Она сидела в дыму, залитая кровью — своей, а не чужой. Чужая была только в её видениях, — она тяжело дышала. Руки дрожали. Ноги не слушались. Но она знала: они победили. Все трое.

Живые. Она поднялась. Медленно, опираясь на стену пещеры. Вытерла кровь с лица, кровавыую слезу, тыльной стороной ладони — так же, как это делал Тур, — и вышла наружу.

Орн увидел её и подошёл. Его единственный глаз расширился.— Сарна, — сказал он. — Твои руки. Она посмотрела на свои руки. Они были в крови — настоящей, не видением. Порезы на ладонях и предплечьях, глубокие, ровные. Она не помнила, как их сделала. Но они были.— Они победили, — сказала она тихо. — Все трое. Живые. Идут домой.

Орн молчал. Потом кивнул.— Ты отдала много, — сказал он. Ты же знаешь цену этого обряда!? Духи смерти прийдут забрать долг.

— Я отдала то, что могла, — ответила Сарна. — Остальное — они сами. Она села у костра, и Мила подбежала к ней с тряпкой и водой. Но Сарна не дала перевязать руки. Она

смотрела на запад, где за скалами брезжил рассвет, и ждала. Как все.

Битва.

Они лежали на гребне, укрывшись за валунами, и смотрели вниз. В долине, у дальнего склона, горел костёр — маленький, едва заметный в темноте. Вокруг него лежали три тёмных силуэта. Шкуры. Чужаки спали.— Видишь? — прошептал Ворн. — Спят. Все трое.

Тур смотрел. Силуэты были неподвижны. Но отсюда, с гребня, в темноте, разве разглядишь? Тени и тени.— Не нравится мне это, — сказал он тихо.— Что не нравится? — спросил Ворн.— Слишком тихо. Слишком ровно лежат. Как будто их там нет. Ворн всмотрелся.— Может, спят крепко. Устали.— Может, — сказал Тур. Но голос его был холодным.

Он повернулся к Ворну.— Ты остаёшься здесь. На гребне. С луком. Если кто-то из них побежит — стреляй. Но не раньше. На площадке у костра, когда мы с ними будем в ближнем бою, ты можешь случайно нас ранить. Стреляй только тогда, когда точно уверен в том, что ты попадешь. Ты понял?

Ворн кивнул. Он не спорил. Он знал, что Тур прав.

Лан, — сказал Тур. — Ты идёшь со мной. Держись за мной. Смотри, слушай. Если я скажу бежать — беги. Если я скажу бить — бей. Не думай. Просто делай. Лан кивнул. Его лицо было бледным, но губы сжаты в тонкую линию. Он держал копьё двумя руками, и оно больше не дрожало.

Они спустились с гребня — медленно, беззвучно, как

тени. Снег скрипел под ногами, но ветер стих, и каждый звук казался оглушительным. Тур шёл впереди, пригнувшись, держа нож Боры в правой руке. Копьё он оставил — в ближнем бою оно бесполезно. Лан шёл за ним, и его дыхание было частым, но тихим. Они подошли к костру на расстояние десяти шагов. Тур остановился. Прислушался.

Трое лежали неподвижно. Двое — те, что были поближе к огню, — дышали. Шкуры на них поднимались и опускались — медленно, ровно, как у спящих. Но третья шкура — та, что лежала чуть поодаль, у камня, — не шевелилась. Она лежала слишком ровно. Слишком гладко. Тур прищурился и увидел: из-под шкуры торчала трава. Мох. Снег. Шкура была набита.— Лан, — прошептал Тур. — Третьего нет. Шкура пустая. Он где-то рядом.

Лан побледнел, но кивнул. Он сжал копьё крепче. И в этот момент из-за камня, из темноты, вынырнула тень. Большая, быстрая, с топором в руке. Главарь. Он не спал. Он ждал. Тур в моменте понял, что это опытный охотник и воин. С ним прийдётся повозиться.

Он бросился на Тура, и топор просвистел в ладони от его лица. Тур успел отшатнуться, и обух ударил его в плечо — то самое, раненое. Кровь брызнула, и Тур отлетел на снег.— Ложись! — заорал он Лану. Лан упал, и в тот же миг двое спящих вскочили. Шкуры слетели, и в руках у них были ножи. Они бросились на Лана.

Тур вскочил. Главарь уже шёл на него — большой, широ-

кий, с топором, занесённым для удара. Тур метнулся в сторону, и топор врезался в снег там, где он только что стоял. Тур ударил ножом — в бок, коротко, жёстко. Главарь заревел, но не упал. Он развернулся и ударил Тура кулаком в лицо. В глазах вспыхнуло белое, и Тур снова оказался на снегу. Кровь залила рот — солёная, горячая. Металлического вкуса. Он сплюнул её, вскочил. Главарь снова шёл на него.

Рядом Лан дрался с двумя. Он отступал, размахивал копьём, и один из чужаков уже рассек ему плечо. Кровь заливала руку, но Лан не отступал. Он бил. Он кричал — не от страха, от ярости.

И тут Лан сделал то, что никто не ожидал. Он схватил горсть снега и швырнул в лицо ближайшему чужаку. Тот на секунду ослеп, дёрнулся. Лан рванулся вперёд и толкнул его ногой — сильно, в грудь. Чужак отлетел назад, на открытое место, и на секунду замер, пытаясь поймать равновесие.

На гребне Ворн уже натянул тетиву. Он ждал этого момента. Считывал биение сердца, для своевременного спуска тетивы. Именно так научил его старик Кирла, который до Ворна числился лучником в племени. Он видел, как чужак отлетел, как он поднял голову, как его глаз блеснул в свете костра. Ворн выдохнул и в паузе между ударами сердца отпустил тетиву. Стрела вошла в глаз — точно, глубоко, — и он рухнул на снег, даже не вскрикнув.

Остался один. Лан и последний чужак сошлись один на один. Они были примерно равны — оба молодые, оба быст-

рые, оба злые. Чужак ударил первым — ножом, в горло. Лан уклонился, и лезвие чиркнуло его по щеке. Кровь брызнула, но Лан не отступил. Он ударил копьём — в грудь. Чужак отбил древко, рванул на себя, и они покатились по снегу, сцепившись, как звери. Лан чувствовал, как нож чужака ищет его горло, как лезвие скользит по его руке. Он бил. Локтем, кулаком, головой. Он не думал. Он просто бил. И он победил. Он нащупал горло чужака, сжал, рванул. Чужак захрипел, попытался вывернуться, но Лан уже был сверху. Он ударил его головой в лицо — раз, другой. Чужак обмяк. Лан схватил его нож, лежавший в снегу, и ударил. Одним движением. В сердце. Чужак дёрнулся и затих. Лан поднялся. Он шатался. Его плечо было рассечено, щека в крови, рука висела, как плеть. Но он стоял. И он был жив.

Тур не видел этого. Он бился с главарём. Тот был здоровее, сильнее, опытнее. Он бил Тура, и Тур чувствовал, как трещат рёбра, как лопается кожа на скуле, как кровь заливает глаз. Он отвечал — ножом, кулаком, локтем. Но главарь не отступал. Он схватил Тура за горло, сжал. Тур чувствовал, как пальцы смыкаются на его шее, как воздух уходит из лёгких. И тогда Тур ударил выдавил ему его правый глаз. Око слизко хрустнуло, выдавилось, потекла кровь. Главарь отпустил горло, отшатнулся. Тур рванулся вперёд, схватил его за руку, вывернул, и они покатились по снегу. Тур был сверху. Он бил — кулаком, кулаком, кулаком. Главарь пытался сбросить его, но Тур не давал. Он бил, пока главарь не

обмяк. Потом он схватил его за волосы, приподнял голову и ударил о камень. Раз. Другой. Главарь захрипел и затих. Тур поднялся. Он стоял, шатаясь, залитый кровью — своей и чужой. Рёбра горели, лицо распухло, из рассечённой брови текла кровь. Но он стоял. И главарь лежал у его ног — живой. Ещё дышал. Хрипел, пузырился кровью на губах.

Лан подошёл, шатаясь, с ножом в руке. Он посмотрел на главаря, потом на Тура. И занёс нож.— Не надо, — сказал Тур. Лан остановился.— Он живой, — сказал Тур. — Мы возьмём его в племя. Допросим. Узнаем, кто они, откуда, сколько их.Лан посмотрел на него. В его глазах было что-то — не злость, не жажда мести. Что-то другое. Он опустил нож.— Он убил бы тебя, — сказал Лан.— Но он не убил, — сказал Тур. — И мы не убьём. Мы — не они. Он присел над главарём, схватил его за волосы, приподнял голову. Главарь смотрел на него — маленькие, злые глаза, полные боли и ненависти. Тур хотел его допросить. Хотел спросить, кто они, откуда, сколько их. Он не знал их языка, но знал, что можно спросить без слов. Боль. Страх. Иногда это работает. Главарь заговорил. Быстро, гортанно, на своём языке — слова, которых Тур не понимал, но интонация была ясной. Он не просил. Он не умолял. Он говорил с презрением. С ненавистью. «Я ничего не скажу», — говорил он. «Вы ничего не узнаете». «Мы придём. Многие. И убьём вас всех».

Тур смотрел на него и чувствовал, как холод внутри него становится твёрже камня.— Кто вы? — спросил он, хотя

знал, что тот не поймёт. — Сколько вас?

Главарь улыбнулся. Криво, кроваво. Потом его рука метнулась к поясу — быстро, неожиданно. Тур не успел. Он увидел только блеск — короткий, тёмный, — и главарь полоснул себя по горлу. Одним движением. Глубоко. Кровь хлынула фонтаном, заливая снег, лицо, руки Тура. Главарь дёрнулся, захрипел и затих. Его глаза остались открытыми, и в них не было боли. Только удовлетворение. Тур отшатнулся. Он стоял на коленях, залитый кровью — своей и чужой, — и смотрел на мёртвого. Тот убил себя. Сам. Чтобы не говорить. Чтобы не выдать тайну.

Ворн спустился с гребня, хромая, с луком наготове. Он увидел тела, кровь, Тура на коленях. И остановился.— Он сам? — спросил Ворн тихо. Тур кивнул. Он всё ещё смотрел на мёртвого. На его лицо. На улыбку, которая так и осталась на губах.— Они не боятся смерти, — сказал Тур. — Они боятся говорить.

Лан подошёл, шатаясь, придерживая раненую руку. Он посмотрел на мёртвого, и его лицо стало жёстким. Взрослым.— Кто они такие? — спросил он. Тур молчал. Он смотрел на трёх мёртвых чужаков и думал. Разведчики, которые убивают себя, чтобы не выдать тайну. Воины, которые не боятся смерти. Племя, которое готовит таких воинов.— Не знаю, — сказал он наконец. — Но они не просто разведчики. Они — воины. Настоящие. И если их племя такое же — нам будет тяжело. Он поднялся. Медленно, опираясь на

плечо Ворна. Кровь заливала ему глаз, и он стёр её тыльной стороной ладони. Посмотрел на Лана.— Ты убил его, — сказал Тур. — Ты убил своего первого. Лан посмотрел на него. Долго. Молча.— Да, — сказал он наконец. Голос хриплый, чужой.— Теперь ты воин, — сказал Тур. — Лан тхар. Воин Лан. Он положил руку на плечо Лана. И Лан не отстранился. Он просто стоял и смотрел на запад, где за скалами ждал лагерь.

Они сели на снег — все трое, израненные, в крови, — и молчали. Ветер шёл по долине, нёс снежную пыль, и она оседала на их лицах, на их ранах, на мёртвых телах. Костёр чужаков почти погас, и угли тлели красным, как открытые раны.— Он убил себя, — сказал Ворн тихо. — Чтобы не говорить. Кто так делает?— Те, у кого есть что скрывать, — сказал Тур.— Или те, кто знает: если заговорят — будет хуже, — сказал Лан. Тур посмотрел на него. Мальчишка вырос за одну ночь. Взрослый. Жёсткий. Такой, каким он сам был когда-то.

Тур прислонил голову Лана к своему лбу, как бы обнимая его и сказал. " Тхар Лан пир Кгхан". Что означало холодный путь первой! крови.

— Нам нужно готовиться, — сказал Тур. — К тому, что придёт.

Они собрали оружие чужаков — пару копьев, два ножа, потайной нож, которым главарь вскрыл себе горло, и что-то ещё, тёмное, похожее на амулеты. Нашли топор вожака.

Взяли шкуры — те самые, набитые травой и мхом. И пошли назад — медленно, тяжело, израненные, в крови.

Глава 4 " Кгхарнан."

«Кгхарнан»

Ворн взял лук и стрелы, Лан — копьё. Тур присел над телом главаря и начал снимать с него то, что было на шее. Длинные бусы, тяжёлые, из зубов. Но не звериных. Тур присмотрелся — и его рука остановилась. Зубы были человеческие. Маленькие, молочные, с едва стёршейся эмалью- детские. Были на них и взрослые, жёлтые, грубые, потрескавшиеся и цельные.

Он снял бусы и посмотрел на них. На шнуре из жил, нанизанные один за другим, они висели тяжело, как приговор. И среди них — два крайних, самые белые, самые свежие. На них ещё была кровь. Не засохшая, свежая. Тур поднял голову. Ворн смотрел на него, и его лицо было белым. Лан стоял чуть поодаль и его руки тряслись.— Что это? — спросил Лан тихо. Тур не ответил. Он посмотрел на костёр. Угли тлели красным, и рядом, чуть в стороне, за камнем, лежало что-то маленькое. Тур подошёл, присел. И тут же рухнул на задницу, даже немного отполз испугавшись.

Это был ребёнок, мальчик. Возраста семи зим, может меньше. Он лежал на спине, раскинув руки. Его глаза были открыты. Они смотрели в небо — пустые, стеклянные, с за-

стывшим ужасом и гримасой боли. Его живот был вспорот. Грудная клетка вскрыта. Рёбра торчали белыми обломками, и внутри было пусто. Внутренности вынуты. Мясо срезано с костей — ровными, аккуратными кусками, как срезают мясо с оленя. Кожа на лице натянута, губы раздвинуты в гримасе — не крик, не плач. Что-то среднее. Что-то, что застыло навсегда. Тур смотрел на него долго и молчал. Он видел много смертей. Он видел, как умирают звери. Как умирают люди. Но это… Это было другое. От этого текли слезы!

Он посмотрел на бусы в своей руке. На два крайних зуба. Свежих. С кровью. И понял. Эти зубы вырвали из этого мальчика. Пока он был жив. Или почти жив. Потому что на десне, там, где не хватало зубов, была рваная рана — не от ножа. От пальцев. Их вырвали. С мясом. С кровью. Тур поднялся. Он держал бусы в руке, и они казались ему тяжелее камня.

— Они ели его, — сказал он тихо. — Ужинали. У костра. Этим ребёнком. Лан отвернулся. Его стошнило — прямо на снег, сухо, мучительно.

Ворн стоял, не двигаясь. Его лицо было каменным. Кто мог такое сделать с ним? Ведь он же ещё совсем Пирнан! Что означало, " Младшее дитя. "

Тур посмотрел на ребёнка. На его одежду — не такую, как у Кхар туу. Другая выделка шкур, другие узоры. На его лицо — непохожее на лица детей племени. Другие скулы. Другая форма глаз. Он был из другого племени. Из тех, кто жил

дальше, за горами. Или из тех, кто жил здесь до них.— Не знаю, — сказал Тур. — Но он не из наших. Он наклонился и закрыл глаза мальчику ладонью. Бережно, как закрывают глаза своим.

— Они не просто воины, — сказал Тур. — Они — Гхарнаны. Они едят людей. И носят их зубы как трофеи. Он посмотрел на бусы. На два свежих зуба. На остальные — старые, пожелтевшие и сколотые, уже не детские. Много. Десятки. Может, больше.— Сколько их? — спросил Лан. Его голос дрожал. — Сколько Кгханту (человек из крови) они убили?

Тур не ответил. Он снял с шеи главаря ещё один амулет — тёмный, костяной, с вырезанным знаком. Разрезанного человека, а точнее человека у которого отдельно все конечности и голова. Он положил его в мешок. Потом взял бусы.

— " Аз вей лям смервей. Аз не смерту кус ту.""Идём, — сказал он. Я чувствую ветер смерти.» «Я не дам духом смерти забрать нас.»

— Нам нужно вернуться до того как, мы почувствуем Моркхал. (запах смерти). Они пошли. Медленно, тяжело. Тур нёс мешок с бусами, и они гремели при каждом шаге — тихо, глухо. Как бы напоминая. От этого даже Туру становилось мерзко.

Путь.

Лан шатался, придерживая раненую руку. Ворн хромал, но шёл. Они не говорили. Слова были не нужны. Дорога домой была долгой. Они шли вдоль реки, потом свернули в ущелье — узкое, каменистое, заваленное буреломом. Здесь было темнее, чем в долине, и холоднее. Ветер выл в скалах, и снег шёл — мелкий, колючий, как стекло. Они шли гуськом, след в след, и Тур чувствовал, как холод внутри него становится всё тяжелее. Не тот холод, что от мороза. Другой, холод страха.

Он думал о своих детях, о Дроке, о Лайе. О том, как они спят у костра, свернувшись клубком, и их дыхание поднимается белыми клубами. О том, как Лайя смеётся — звонко, как колокольчик. О том, как Дрок точит нож, пытаясь быть взрослым. И о том, что где-то там, за горами. Есть люди, которые едят таких детей. Вырывают зубы. Пока они живы. И носят их на шее. Он остановился. Ворн и Лан остановились тоже.— Тур? — сказал Ворн. Тур молчал. Он смотрел в темноту, и его руки сжимали мешок с бусами так, что костяшки побелели.

— Они придут, — сказал он наконец. — Эти каннибалы. Они придут. И они будут есть наших детей.— Мы не допустим, — сказал Лан. Голос его был твёрдым. Взрослым.— Не допустим, — повторил Тур. Но в его голосе не было уве-

ренности. Они пошли дальше.

Ущелье сужалось, и стены смыкались над ними, как челюсти. Снег здесь лежал глубоко, и идти становилось всё тяжелее. Тур шёл впереди, и его ноги проваливались в снег по колено. Он не останавливался. Он знал: если остановиться — не дойдут. И тогда снег пошёл с гребня. Сначала — тихо, почти беззвучно. Потом — громче. Тур поднял голову и увидел, как белая стена отделилась и пошла вниз. Медленно. Потом быстрее.— Бежим! — заорал он. Они побежали. Тяжело, увязая в снегу, хромая, падая. Снежная стена шла за ними, и её гул становился всё громче. Тур чувствовал, как леденящий воздух толкает его в спину, как снежная пыль забивает глаза, нос, рот. Он схватил Лана за руку, рванул в сторону, и они упали за большой валун. Ворн упал рядом — сам, успев. Снег прошёл мимо. Он катился вниз, ломая кусты, выворачивая камни, и его гул удалялся, становился тише. Потом стих. Тур поднялся. Он был весь в снегу, и его раны горели от холода. Лан лежал рядом, тяжело дыша. Ворн сидел, привалившись к валуну, и его лицо было серым.— Живы? — спросил Тур. Они кивнули. Все трое. Живы. Они пошли дальше. Медленнее, осторожнее. Ущелье стало шире, и впереди показалась долина — та самая, где они хотели оставить тайник с мясом. И они пошли к лагерю, домой. Становилось невыносимо. Ветер сменился на северный, и с ним пришёл мороз — такой, что дыхание застывало в воздухе и падало на снег ледяной крошкой.

Тур чувствовал, как его пальцы немеют. Как лицо теряет чувствительность. Как холод заползает под шкуры и добирается до костей. Лан споткнулся и упал. Тур поднял его. Ворн остановился и сел на снег.— Не могу, — сказал он. — Идите без меня.— Встань, — сказал Тур. — Встань, или я тебя понесу. Ворн посмотрел на него. Долго. Потом встал. Они шли всю ночь. Не останавливались. Не говорили. Только снег скрипел под ногами, да ветер выл в скалах.

Тур чувствовал, как его тело становится чужим — тяжёлым, непослушным. Он думал о детях. О Дроке. О Лайе. О том, что он не может умереть здесь. Не может. Потому что если он умрёт — кто защитит их от каннибалов?

Когда небо на востоке начало светлеть, они увидели дым — десятки очагов, поднимающихся к серому небу, лагерь.

Лагерь.

Айна не спала всю ночь. Она сидела у костра, и Лайя спала у неё на коленях, и Дрок сидел рядом, не выпуская ножа. Мила стояла у землянки, прижимая младенца. Мать Лана сидела у огня, и её глаза были сухими. Орн вышел из пещеры, когда небо начало светлеть, и посмотрел на запад. Сарна сидела у костра, и её перевязанные руки лежали на коленях. Она не спала. Она смотрела в огонь и ждала.

За сто шагов до лагеря Тур остановился. Ворн и Лан остановились тоже. Тур повернулся к ним, и его лицо было серым цвета асфальта— не от холода, от чего-то другого.

— Слушайте, — сказал он тихо, почти шёпотом. — То, что мы видели. Ребёнок. Бусы. Каннибалы. Никто не должен знать. Пока. Не сейчас.

Лан посмотрел на него. В его глазах был вопрос.

— Почему? — спросил он так же тихо.

— Потому что если они узнают, — сказал Тур, — начнётся паника. Люди не будут спать. Будут бояться выходить из пещер. Будут совершать ошибки. А нам нужны спокойные воины, а не обезумевшие.

Ворн кивнул. Он понял.

— А старейшины? — спросил Лан.

— Старейшинам скажем, — сказал Тур. — Потом. Без лишних ушей. Орн и Сарна должны знать. Но не всё племя.

Не сейчас. Ясно?

Лан помолчал. Потом кивнул.

— Ясно.

Тур посмотрел на них обоих. Долго. Молча. Потом повернулся и пошёл дальше — к лагерю, к дыму костров, к людям.

Они появились из-за скалы, когда солнце уже поднялось над хребтом. Трое. Израненные. В крови. Еле живые. Тур шёл первым. Лан — за ним, придерживая руку. Ворн замыкал, хромая. Они не шли — брели. Еле передвигая ноги. Но шли. Айна вскочила. Лайя проснулась, вскрикнула. Дрок бросил нож и побежал. Мила завизжала — тонко, пронзительно. Мать Лана поднялась, и её руки затряслись.

Тур вышел на площадь лагеря и остановился. Он посмотрел на своих. На Айну. На Дрока. На Лайю. На Орна. На всех, кто ждал.

— «Ту Лам Тур, Ту хаа ту», — сказал он хрипло. — Мы не сворачивали, мы дышим.»

Племя зарокотало " Кгхар тууу Кгхар тууу»

Он покачнулся. Лан подхватил его под руку. Ворн подошёл с другой стороны. Они стояли втроём — и смотрели на племя.

Айна подбежала к нему, обняла, прижалась, и её слёзы наконец потекли — горячие, солёные, счастливые. Лайя обхватила его ногу и заплакала громко, звонко, как плачут дети, когда отпускает страх. Дрок стоял рядом и смотрел на отца. Взрослыми глазами.

Мила подбежала к Ворну, схватила его за руки, посмотрела на его раны, на его лицо — и заплакала. Он обнял её, прижал к себе, и его плечи затряслись. Беззвучно.

Она не говорила ничего. Просто держала его, прижималась, дышала его запахом — дымом, кровью, снегом. А младенец, их первенец, таких в племени Кхар туу называли «кхурод» — «Стоящий у рода, первый у рода», — вдруг потянулся к лицу отца и запутался пальчиками в его волосах. Как ни в чём не бывало. Как будто не было ни ночи, ни крови, ни страха. Просто маленькие пальцы в спутанных волосах, и тихое гуканье, и тепло, которое не зависело ни от чего, а самое главное это его запах, запах чистоты во всех смыслах этого слова. Ворн как никто другой чувствовал запахи, даже с длительного расстояния. Он был главный следопыт племени. Собственно из за этого они дали ему имя Вей. Посмотрев на него, его лицо — жёсткое, обветренное, в шрамах — вдруг дрогнуло. Он прижал младенца к груди. Впервые за всю ночь, что они шли, дрались, умирали и возвращались, — Ворн позволил себе просто стоять. Не думать. Не ждать удара. Не смотреть на запад, откуда придут каннибалы. Просто чувствовать, как пальчики Вея путаются в его волосах, как жена дышит ему в шею, как тепло младенца растекается по груди. Он закрыл глаза. На секунду. На одну долгую секунду, которой у него не было всю ночь. И выдохнул. Тяжело. Так, как выдыхают, когда отпускает боль.

Мила обняла их обоих, и они стояли так, втроём, посре-

ди лагеря, среди дыма и снега, не хватало только плаксивой песни, на фоне.

Мать Лана подошла к сыну. Медленно, опираясь на палку. Она не плакала. Она просто смотрела на него. Долго. Потом взяла его лицо в ладони — сухие, тёплые, — и сказала тихо:

— Ты вернулся.

Лан кивнул. Его губы дрожали.

— Вернулся, — сказал он.

Она обняла его. Крепко. И Лан заплакал — впервые за эту ночь. Тихо, беспомощно, как ребёнок. Он понимал, что в эту ночь он стал мужчиной, воином! Возможно он крайний раз сейчас плачет мамочке в меховую шкуру. И он также поддался этому моменту.

В этот самый момент Харна шепнула сыну на ухо.

" Ту Кус пирр. Кгхал ту тур стур ту»

" Ты плоть своего отца. Его душа гордится, что ты не сворачиваешь! «.

В этот момент Сарна сидела смотрела на объятия матери и сына. С милой улыбкой, которую так редко можно было увидеть, на её высохшем, угрюмом лице. С далеко не дружелюбной, я бы даже сказал не человеческой гримасой.

Она радовалась картине, которую она наблюдала перед собой, как и все радовались. Но все смотрели. Смотрели, но не видели!

Стоит мать держит лицо сына, стоит сын обнявши мать, плачет пытаясь прижаться ей в плечо, скрывая мальчише-

чьи слезы. А рядом обнявши их большими сильными руками стоит сущность. И так же с улыбкой благодарности смотрит на Сарну. Прижимает ладонь к груди, к той половине на которой, когда то у него было сердце. Как бы закрывая шрам от копья. Из за которого он собственно он стал сущностью. И говорит «спасибо за то, что помогла ему сохранить жизнь.»

И Сарна так же без слов отвечает ему.

" Не за что дорогой Ларгх.»

Он ещё совсем Юн. Духи согласны подождать его. Он нужен " Кхар ззз Ма». Он нужен на Холодной земле.

Но даже сквозь слёзы, сквозь объятия, сквозь радость встречи — люди видели. Они все видели. Трое стояли в центре лагеря, израненные, в крови, и в их глазах было что-то, чего не было раньше.

Тур смотрел на Айну, но его глаза были где-то далеко. Он обнимал её, но его руки были напряжены. Он улыбался Лайе, но улыбка была кривой, вымученной. И когда он поднял голову и посмотрел на запад, где за скалами остались тела, Айна увидела это. И её сердце сжалось.

Она не спросила. Не сейчас. Она просто прижалась к нему крепче и прошептала:

— Ты дома. Всё остальное — потом.

Тур кивнул. Он не сказал ни слова. Но его руки обняли её крепче — так, как обнимают, когда боятся потерять.

Орн подошёл к нему, опираясь на посох. Его единственный глаз смотрел на Тура. Долго. Молча. Потом он сказал

тихо, так, чтобы слышал только Тур:

— Потом. У костра. Только мы и духи.

Тур кивнул. Один раз. Резко.

Сарна уже бродила у своего костра. Завывая свои мрачные гортанные мелодии, похожие больше на отрышку какой то неземной твари. Она смотрела на Тура, и в её глазах было что-то — не вопрос, не страх. Знание. Она уже знала. Или чувствовала. Она не подошла. Она просто смотрела и продолжала жуткое песнопение.

Племя постепенно расходилось — кто к костру, кто к пещере, кто к своим раненым. Радость встречи уступала место тихой тревоге. Люди видели. Люди чувствовали. Что-то случилось. Что-то, о чём Тур не говорит. В его глазах был страх. Не за себя. За них. За всех, кто был здесь. За детей, которые спали у костров, не зная, что где-то там, за горами, есть люди, которые едят таких… Ему было мерзко даже думать о этом. Но эти мысли крутились в его голове, создавая триггерные петли.

Он не сказал ни слова. Он держал язык за зубами. Как велел Ворну и Лану. Как велел себе.

Потом. Всё будет потом. У костра. Только старейшины. Только правда. А сейчас — тишина. И страх, который он носил в себе, как камень на шее утопленника.

Ночь

Ночь опустилась на Хар ззз ма тихо, как зверь, который наконец насытился. Ветер, все это время гнавший снежную пыль по степи, стих. Небо очистилось, и звёзды высыпали на него так густо, что казалось — кто-то рассыпал на чёрное, горсть серебряной пыли. Луна поднялась над Уральским хребтом — полная, белая, огромная, — и её свет лёг на снег, на скалы, на землянки, покрыв всё вокруг мягким, призрачным сиянием. Снег под луной не был белым — он был голубым, глубоким, как вода в проруби. И тишина стояла такая, что было слышно, как где-то далеко, за рекой, треснул лёд — один раз, коротко, как выстрел.

В лагере гасли костры. Один за другим. Огни уменьшались, тускнели, превращались в угли, и угли дышали красным, медленно, как и спящие. Дым поднимался тонкими струйками к звёздам и растворялся в темноте. Пахло снегом, дымом и чем-то ещё — тем особенным запахом холодной земли, который не спутаешь ни с чем. Земля выдыхалась после долгого дня. Отдыхала.

Племя расходилось по землянкам. Медленно, устало, но спокойно. Сегодня никто не ждал нападения. Сегодня все знали: разведчики мертвы, а те, кто придёт потом, придут не сегодня. Сегодня можно было спать.

Дети уснули первыми. В большой землянке, где жили жен-

щины с детьми, Лайя свернулась клубочком на шкурах, подложив под голову кулачок, и её дыхание было ровным, тёплым. Ей снилось что-то хорошее — она улыбалась во сне, и её светлые волосы разметались по подушке из мха. Рядом спал

Дрок — не по-детски серьёзный даже во сне, с нахмуренными бровями, как будто и во сне решал какую-то взрослую задачу. Его рука лежала на маленьком копье, которое он не выпускал даже ночью.

Младенец. Ворна и Милы спал между ними, прижавшись к материнскому боку, и его губы чмокали во сне, как будто он видел молоко.

Старики спали в своей землянке, у дальней стены. Орн лежал на спине, и его белая борода поднималась и опускалась в такт дыханию. Его слепой глаз был открыт, но не видел ничего, а правый — закрыт. Посох стоял рядом, прислонённый к стене. Старики спали тихо, без снов, как спят те, кому уже нечего бояться. Их время прошло. Их время — это память. А память спит крепко.

Гарм спал в своей землянке, один, и его бок, перевязанный, всё ещё ныл. Он ворочался, морщился, но не просыпался. Ему снилась охота. Или война. Или что-то, что он не расскажет никому.

Торг спал стоя. Ну, почти стоя — он сидел у входа в лагерь, привалившись спиной к скале, и его топор лежал рядом, на снегу. Он должен был охранять. Но усталость взяла

своё. Он спал, и его храп разносился над лагерем — низкий, раскатистый, как далёкий гром.

В землянке Тура и Айны горел маленький костёр. Айна лежала на шкурах, и её волосы — тёмные, распущенные — разметались по плечам. Тур сидел рядом, и его рука лежала на её бедре — просто, тепло, как будто это было самое естественное в мире. Он смотрел на неё, и в его глазах не было холода. Только она. Только эта женщина, которая ждала его всю ночь, которая видела сны про огонь, которая знала, что он вернётся, даже когда никто не знал.

— Ты не спишь, — сказала Айна тихо, не открывая глаз.

— Смотрю на тебя, — сказал Тур.

— Насмотришься ещё. Спи.

— Не могу. Пока не могу.

Она открыла глаза. Посмотрела на него. Долго. Потом приподнялась на локте и поцеловала его — медленно, глубоко, как будто пила воду после долгой дороги. Тур ответил. Его рука скользнула по её спине, по изгибу бедра, и Айна выдохнула — тихо, прерывисто. Они не говорили больше. Им не нужны были слова. Только тепло. Только близость. Только эта ночь, которая принадлежала им — после крови и страха смерти.

В соседней землянке Ворн и Мила лежали, прижавшись друг к другу. Младенец спал между ними, и его маленькие пальцы всё ещё путались в волосах отца. Мила гладила руку Ворна — его раненую руку, его шрамы, его пальцы, кото-

рые держали лук и выпускали стрелы. Она не говорила. Она просто касалась его. И Ворн, который весь день не показывал боли, весь день держал лицо, весь день был воином, — сейчас, в темноте, в тишине, позволил себе расслабиться. Он прижался к жене, уткнулся лицом в её волосы, и его дыхание стало ровным.

Лан лежал в своей землянке — один, но не спал. Он смотрел в потолок, на тени от костра, и думал. О схватке. О крови. О том, как он убил своего первого. О том, как Тур сказал: «Теперь ты воин». О том, как мать обняла его и заплакала. Взяла его лицо в ладони и сказала: «Ты не сворачивал. Ты не убежал».

И ещё он думал о ней. О девушке. Её звали Нира. Она была из их племени — молодая, с волосами, заплетёнными в одну косу, и глазами, как лесные орехи. Она была на две зимы моложе Лана, и он ухаживал за ней с прошлой весны. И это было смешно. Потому что Лан, который сегодня убил взрослого воина, который держал копьё, который не отступил, — тогда, весной, он был как зелёный юнец. Он приносил ей цветы — первые весенние цветы, которые пробивались сквозь снег. Он ловил для неё рыбу в реке и оставлял у входа в её землянку. Он пытался петь ей песни — но голос у него был как у раненого оленя, и она смеялась. Он падал перед ней на колени, когда поскальзывался на льду, и делал вид, что это он так специально. Однажды он принёс ей шкуру зайца, которого поймал сам, и сказал: «Это тебе. Я убил его

для тебя». А она посмотрела на него и сказала: «Лан, это же крот». И он покраснел так, что уши стали красными. А она смеялась — звонко, весело, — и он понял, что готов умереть за этот смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.